

ЛЮБОВЬ НЕ СПРАШИВАЕТ РАЗРЕШЕНИЯ.
ОНА ПРОСТО ТЕЧЁТ.

ПОКА ТЕЧЁТ

Босфор

Р О М А Н

Данияр Аклбеков

Пока течёт Босфор

«Автор»

2026

Аклбеков Д.

Пока течёт Босфор / Д. Аклбеков — «Автор», 2026

Лейла Демир выросла в доме, где любовь называли заботой, а послушание — достоинством. Её будущее давно было выбрано: правильная семья, правильный мужчина, правильная жизнь. Эмир Кара работает в маленькой пекарне в Каракёе и с детства знает цену хлебу, гордости и ответственности. Он не верит, что девушка из мира Демиров может остаться рядом с ним, когда начнётся настоящая боль. Их встреча кажется случайной. Но в городе, где один берег смотрит на другой через Босфор, случайности быстро становятся испытанием. Когда семья Лейлы решает спасти репутацию, а семья Эмира — сохранить хоть что-то от своей жизни, любовь перестаёт быть красивым чувством. Она становится выбором, за который нужно платить. Это история не о любви, которая всё побеждает. Это история о том, как трудно стать собой, если всю жизнь тебя учили быть удобной.

© Аклбеков Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Оглавление	6
Пролог. Между двумя берегами	7
Глава 1. Утро над Босфором	9
Глава 2. Правильные гости	20
Глава 3. Первый ифтар	40
Глава 4. Без причины	51
Глава 5. Подпись Демиров	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Данияр Аклбеков

Пока течёт Босфор

Между двумя берегами вода не выбирает один.

Она течёт — и остаётся собой.

Данияр А.

Глава

Оглавление

Пролог. Между двумя берегами

Утро над Босфором

Правильные гости

Второй раз

Чужой мир

Каракёй

Условие отца

След

Плохая кошка

Исчезновение Орхана

За нами следят

Доказательство

Не о пекарне

Без права голоса

Первый день срока

Между хлебом и молчанием

Правильный выход

Правильная картина

Цена согласия

Ночь перед ответом

Подпись

Ифтар

Новое место

До конца Рамадана

Последний вечер Рамадана

Клетка

Пока течёт Босфор

Эпилог. Пока течёт Босфор

Послесловие автора

Пролог

Пролог. Между двумя берегами

Стамбул умел хранить тайны.

Не прятать — именно хранить. Как старые дома хранят в стенах голоса тех, кто давно уехал. Как деревянные двери помнят ладони людей, которые каждый день открывали их в одно и то же время. Как вода помнит всё, что ей доверили, но никогда не возвращает обратно в прежнем виде.

Босфор тек между двумя берегами спокойно и упрямо.

Каждое утро по нему проходили паромы, грузовые суда, маленькие лодки с рыбаками. Над водой кружили чайки. На набережных спешили люди: кто-то к работе, кто-то к молитве, кто-то к дому, где его ждали, а кто-то — туда, где ждать уже перестали.

Лейла Демир любила смотреть на Босфор издалека.

Так было безопаснее.

С высоты холма вода казалась красивой линией между мирами. Один берег смотрел на другой, дома отражались в стекле, свет ложился на крыши, и весь город казался устроенным правильно: у каждого места — своё назначение, у каждого человека — свой дом, у каждой семьи — своё имя.

Лейла долго верила, что жизнь тоже должна быть такой.

Правильной.

Аккуратной.

Понятной.

Она знала, как нужно входить в комнату, где сидят старшие. Знала, когда улыбнуться, когда опустить глаза, когда промолчать. Знала, что благодарная дочь не спорит с заботой, даже если эта забота становится тесной. Знала, что семья — это не просто люди за одним столом. Это честь, долг, ожидания, фамилия, которую нельзя уронить.

И всё же однажды ей пришлось понять: иногда самое трудное — не выбрать между добром и злом.

Самое трудное — выбрать между тем, что любишь, и тем, без чего не умеешь жить.

Между голосом матери и собственным дыханием.

Между домом, который защищал, и домом, в котором становилось всё меньше воздуха.

Между человеком, рядом с которым сердце впервые перестало быть послушным, и семьёй, которая знала за неё, что такое счастье.

В Стамбуле такие истории редко начинаются громко.

Они начинаются с обычного поручения.

С поездки по знакомому маршруту.

С двери, которую открываешь без всякой мысли о будущем.

С запаха горячего хлеба, который вдруг оказывается сильнее дорогих духов в родном доме.

С чужого взгляда, в котором нет восхищения, и именно поэтому он задевает больше всех привычных комплиментов.

Лейла тогда ещё не знала, что один город может быть слишком большим для случайной встречи и слишком маленьким для тайны. Не знала, что иногда человек входит в твою жизнь не как обещание счастья, а как вопрос, от которого уже невозможно отвернуться.

Кому принадлежит твоя жизнь?

Тем, кто тебя любит?

Тем, кто тебя вырастил?

Тем, кто ждёт от тебя правильного ответа?

Или тебе самой — даже если ты ещё не знаешь, что с этой свободой делать?

Босфор тѣк между берегами, не выбирая один навсегда.
Может быть, поэтому Лейла так часто смотрела на воду.
В ней было то, чему её не учили: движение без разрешения. Верность себе без крика.
Способ касаться двух берегов и всё равно оставаться собой.
Но до этого понимания ей ещё предстояло дойти.
Сначала был дом Демиров.
Высокие окна.
Тихие завтраки.
Мамины просьбы, похожие на правила.
Отцовское спокойствие, после которого в комнате становилось трудно спорить.
И утро, когда Лейле сказали съездить в маленькую пекарню в Каракѐе.
Обычное утро.
Обычное поручение.
Обычный город за окном машины.
Только Босфор в тот день казался чуть темнее, чем всегда.
Как будто уже знал то, чего Лейла ещё не могла знать сама.

Глава 1

Глава 1. Утро над Босфором

Лейлу Демир нельзя было не заметить.

Не потому что она кричала о себе. Она вообще не кричала — ни голосом, ни одеждой, ни жестами. В ней не было той яркости, которая требует внимания. Скорее наоборот: она будто старалась не занимать слишком много места в мире. Говорила негромко, смеялась сдержанно, двигалась плавно, как будто с детства знала, что за ней смотрят.

И всё равно люди оборачивались.

Может быть, из-за этой самой плавности — той, которая бывает у девушек, выросших в домах с высокими потолками, тяжёлыми шторами и видом на Босфор. Может быть, из-за взгляда — спокойного, почти взрослого, принимающего мир как данность. А может быть, потому что Лейла Демир с раннего детства носила на себе невидимую печать семьи: деньги, имя, воспитание, ожидания.

Ей было двадцать лет.

Она жила в Стамбуле, в квартале, где адрес значил больше имени. Дом Демиров стоял на холме, за коваными воротами, за кипарисами и ровно подстриженными кустами. По утрам из окон второго этажа Босфор казался не водой, а продолжением неба — таким же холодным, бесконечным и недоступным.

Лейла любила смотреть на него сразу после пробуждения.

Не потому что вид был красивым. К красоте привыкают быстрее, чем к боли. Она любила эти несколько минут тишины до того, как дом просыпался окончательно: до шагов Фатмы в коридоре, до звонкой посуды на кухне, до голоса матери, который всегда звучал мягко, но почти никогда не оставлял выбора.

В это утро Босфор был серо-голубым. Над водой висела лёгкая дымка, лодки двигались медленно, как будто город ещё не решил, начался день или нет.

Лейла стояла у окна босиком, в длинной светлой рубашке, и держала в руках чашку остывшего чая.

На письменном столе лежали листы для каллиграфии. Вчера вечером она снова писала одну и ту же фразу — старую османскую пословицу, которую преподаватель дал им на занятии: «Вода найдёт путь, даже если камень будет против».

Лейла переписала её семь раз.

И каждый раз буквы получались немного другими.

Сначала ровными, почти идеальными. Потом — смелее. Потом — с лишним нажимом в конце. На последнем листе чернила расползлись, будто рука дрогнула. Лейла долго смотрела на это пятно, а потом спрятала лист в нижний ящик стола.

Никто в доме не знал, что она ходит на каллиграфию не ради красивого хобби.

Мать считала это «изящным занятием для девушки». Отец не возражал, потому что занятия не мешали университету. Мурат однажды сказал, что «всё это бесполезно, но красиво». Только Керем спросил:

— Тебе правда нравится?

Лейла тогда ответила не сразу.

— Да, — сказала она. — Там тихо.

Керем не засмеялся. И за это она любила его больше остальных.

В дверь постучали.

— Лейла-ханым?

Голос Фатмы был негромким, но Лейла всё равно вздрогнула, будто её застали за чем-то непозволительным.

— Да, Фатма, входите.

Дверь открылась. Фатма вошла с подносом: чай, тонкая тарелка с сыром, оливки, кусочек свежего хлеба. Она работала у Демиров столько лет, что давно перестала быть просто домработницей. Она знала, какие цветы Зехра ставит в гостиной перед приёмами, какие рубашки Халиль не надевает дважды подряд, когда Мурат врёт по телефону и когда Керем делает вид, что учится.

И она знала, что Лейла каждое утро стоит у окна чуть дольше, чем нужно.

— Госпожа Зехра просила передать, чтобы вы спустились к завтраку через двадцать минут, — сказала Фатма.

— Хорошо.

Фатма поставила поднос на маленький столик и посмотрела на разбросанные листы.

— Опять писали?

— Немного.

— Красиво выходит.

Лейла улыбнулась.

— Вы даже не смотрели.

— У вас всегда красиво выходит.

Это была одна из тех фраз, которые звучали как похвала, но почему-то оставляли после себя пустоту. У Лейлы действительно многое выходило красиво: улыбаться гостям, благодарить старших, молчать в нужные моменты, соглашаться без видимого раздражения.

Фатма подошла к окну и поправила край шторы.

— Сегодня много дел. Госпожа с утра волнуется.

— Из-за ужина?

— Из-за Рамадана, из-за гостей, из-за меню, из-за цветов... — Фатма чуть пожала плечами. — Уважаемый дом всегда волнуется раньше других.

Лейла не ответила.

Фатма посмотрела на неё внимательнее.

— Вы бледная.

— Я нормально себя чувствую.

— Вы всегда так говорите.

В этих словах не было грубости. Но было слишком много знания. Лейла отвернулась к зеркалу и начала застёгивать серьги.

— Я спущусь.

Фатма поняла, что разговор окончен. Она кивнула и вышла, оставив за собой запах мыла, горячего чая и дома, в котором все всё замечали.

Лейла открыла шкаф.

Платья висели по цветам: белые, кремовые, голубые, тёмно-синие. Всё безупречное, дорогое, спокойное. Одежда, в которой нельзя было случайно стать другой. Она выбрала светло-бежевое платье с длинными рукавами и тонким поясом. Мать любила, когда она носила такие вещи: «женственно, но без вызова».

Лейла провела рукой по ткани.

Без вызова.

Иногда ей казалось, что это и есть девиз её жизни.

Она спустилась в столовую ровно через двадцать минут.

Завтрак у Демиров никогда не был просто завтраком. Даже если за столом сидели только свои, всё выглядело так, будто через минуту могли прийти гости: белая скатерть, серебряные приборы, свежие фрукты, маленькие пиалы с мёдом, сыр, оливки, хлеб, который Фатма подавала ещё тёплым.

Халиль Демир уже сидел во главе стола и читал новости на планшете. На нём был тёмный костюм, хотя до выхода оставалось ещё не меньше часа. Он никогда не появлялся за завтраком «по-домашнему». Даже дома он выглядел так, будто его в любую секунду могли вызвать на важную встречу.

Зехра сидела справа от него. Идеальная укладка, тонкие браслеты на запястье, лёгкий запах духов. Она разговаривала с Муратом, который просматривал что-то в телефоне и отвечал короткими фразами.

Керем, наоборот, сидел полубоком, ел хлеб с мёдом и делал вид, что не слышит разговоров взрослых.

— Доброе утро, — сказала Лейла.

— Доброе, kızım, — ответила мать. — Ты плохо спала?

Лейла села на своё место.

— Нет. Просто рано проснулась.

Мурат поднял глаза.

— Опять свои буквы выводила до ночи?

— Мурат, — мягко сказала Зехра.

— Что? Я просто спрашиваю.

Керем, не поднимая головы от тарелки, пробормотал:

— Тебе бы тоже полезно. Может, стал бы спокойнее.

Мурат посмотрел на него.

— Что ты сказал?

— Ничего. Хлеб вкусный.

Лейла невольно улыбнулась. Керем заметил и тоже улыбнулся — быстро, украдкой, как союзник на вражеской территории.

Халиль отложил планшет.

За столом сразу стало тише. У него была удивительная способность ничего не делать и всё равно менять воздух вокруг себя.

— Сегодня вечером придет семья Арсланов, — сказал он.

Лейла опустила взгляд к чашке.

Семья Арсланов.

Она знала это имя слишком хорошо. В последние месяцы оно появлялось всё чаще: за ужином, в разговорах матери с подругами, в телефонных фразах, которые обрывались, когда Лейла входила в комнату. У Арсланов был сын — Селим. Вежливый, образованный, с хорошим будущим и правильной фамилией.

Он не сделал Лейле ничего плохого.

И именно поэтому она не могла объяснить, почему каждый разговор о нём вызывал у неё желание открыть окно и вдохнуть холодный воздух.

— Они будут к восьми, — продолжил Халиль. — Лейла, постарайся не задерживаться в университете.

— У меня сегодня нет последней пары.

— Хорошо.

Зехра тут же добавила:

— И надень вечером синее платье. То, что мы покупали в Нишанташи.

Лейла кивнула.

— Хорошо.

Слово вышло автоматически. Как всегда.

Халиль снова взял планшет, будто вопрос был решён.

А внутри Лейлы что-то тихо сжалось.

Не сильно. Не до боли. Просто ещё один маленький узел, который затягивался в ней день за днём.

Мать тем временем повернулась к Фатме:

— Нам нужно заказать сладости к первому ифтару. В прошлом году из той кондитерской всё привезли холодным. Халиль, ты помнишь?

— Помню, — сухо сказал отец.

— В Каракёе есть маленькая пекарня. Айше-ханым советовала. Говорит, у них лучший кунфе, и пахлава настоящая, не эта туристическая. Лейла, съезди туда после завтрака.

Лейла подняла глаза.

— Я?

— Да. Ты всё равно свободна до университета. Посмотри сама, выбери. Скажешь, что от Демиров. Пусть сделают аккуратно, к пятнице.

Мурат усмехнулся.

— Теперь мы сами ездим по пекарням?

Зехра посмотрела на него с лёгким укором.

— Иногда полезно видеть, что покупаешь.

— Для этого есть помощники.

— Мурат, — сказал Халиль.

Одного имени было достаточно. Мурат замолчал.

Лейла почувствовала странное облегчение. Ей редко поручали что-то простое и настоящее. Обычно её дела были такими же декоративными, как цветы на столе: присутствовать, улыбаться, быть рядом, не мешать. А тут — поехать в город, выбрать сладости, поговорить с людьми, которые не знали расписания её будущей жизни.

— Хорошо, мама, — сказала она. — Я съезжу.

— Водитель отвезёт тебя. И не задерживайся. Каракёй сейчас очень шумный.

Керем поднял голову.

— Каракёй всегда шумный.

— Откуда ты знаешь? — спросил Мурат.

— Я живу в Стамбуле, представь себе.

Мурат хотел что-то ответить, но Халиль снова посмотрел на него, и разговор умер.

После завтрака Лейла поднялась за сумкой. Перед тем как выйти, она остановилась у стола и открыла нижний ящик. Тот самый лист с расплывшимися чернилами лежал сверху.

«Вода найдёт путь, даже если камень будет против».

Она не знала, почему взяла его с собой.

Просто сложила лист пополам, убрала в книгу и положила книгу в сумку.

У ворот уже ждала машина.

Водитель открыл перед ней дверь.

— В Каракёй, ханым?

— Да.

Она села на заднее сиденье. Машина мягко тронулась, миновала кипарисы, охранника у ворот, чистую улицу с одинаково спокойными фасадами.

Первые минуты Стамбул за окном был привычным: закрытые виллы, кафе с белыми зонтиками, женщины в дорогих очках, мужчины, говорящие по телефону так, будто от их голоса зависел курс валют.

Потом машина начала спускаться с холма.

И город изменился.

Он перестал быть городом из окон, террас, белых скатертей и ровных голосов. Внизу Стамбул был другим — плотным, живым, горячим. Здесь машины сигналили не от раздражения, а будто разговаривали друг с другом. Мужчины спорили у лавок так, будто решали судьбу

мира. Уличные торговцы выкрикивали цены. Дети перебежали дорогу между такси. Из открытых дверей кафе пахло кофе, маслом, дымом, рыбой, свежим тестом.

Лейла смотрела в окно, не отрываясь.

Она знала этот город. Конечно, знала. Она здесь родилась. Но иногда ей казалось, что её Стамбул существовал только на безопасном расстоянии: из окна машины, с террасы ресторана, с палубы семейной яхты, из университетского двора.

Она видела город, но редко была в нём.

Телефон в сумке завибрировал.

Сообщение от Дерья.

«Ты сегодня будешь? После пар кофе?»

Лейла набрала:

«Не знаю. Вечером гости».

Ответ пришёл почти сразу:

«Опять правильные гости?»

Лейла посмотрела на экран и не смогла сдержать улыбку.

Дерья Аксой была её подругой с первого курса. Из такой же обеспеченной семьи, но совсем другой. Дерья умела говорить «нет» так легко, будто это было обычное слово, а не маленькое преступление. Она носила короткие жакеты, смеялась громче, чем полагалось, и могла спорить с преподавателем, не краснея.

Лейла иногда завидовала ей.

Не свободе даже.

А тому, что Дерья верила: свобода ей положена.

«Семья Арсланов», — написала Лейла.

Через секунду пришло:

«О. Селим-вежливая-улыбка?»

Лейла закрыла глаза на мгновение.

«Не начинай».

«Я ещё даже не начала».

Машина свернула на более узкую улицу. Водитель притормозил.

— Мы почти приехали, ханым.

Лейла убрала телефон.

Пекарня оказалась совсем небольшой. Никакого блеска, никакой вывески с золотыми буквами, никакой витрины, рассчитанной на богатых клиентов. Узкая дверь, тёмная деревянная рама, стекло, слегка запотевшее от жара. Над входом висела вывеска: **Kara Firm**.

«Пекарня Кара».

Лейла почему-то прочитала название дважды.

За стеклом лежали ряды пахлавы, круглые формы с кунфе, симиты, посыпанные кунжутом, пирожки, аккуратно накрытые тонкой тканью. Всё выглядело не идеально, но живо. Так, будто это сделали человеческие руки, а не фабрика.

— Я подожду здесь, ханым, — сказал водитель.

— Хорошо.

Лейла вышла из машины.

Сразу ударили звуки улицы: чей-то смех, звон стаканов, гул мотора, короткий окрик продавца. Она поправила сумку на плече и вошла.

Внутри было тесно и тепло.

Не так, как дома, где тепло было спрятано в стенах, коврах и мраморных полах. Здесь оно жило прямо в воздухе — от печей, от подносов, от хлеба, от людей. Оно касалось лица, рук, шеи. Лейла на секунду растерялась.

В пекарне пахло так, что хотелось забыть о приличиях: сливочным маслом, мёдом, фисташками, дрожжевым тестом, горячим сахаром.

За прилавком стояла женщина лет сорока пяти. На ней был тёмный платок и светлый фартук, рукава закатаны, на запястьях след от муки. Лицо усталое, но глаза добрые.

— Добрый день, — сказала Лейла.

Женщина подняла взгляд.

— Добрый, kızım. Что желаете?

Лейла на мгновение забыла приготовленную фразу. Ей стало неловко от того, что она вошла сюда слишком чистой, слишком дорогой, слишком чужой.

— Мне нужно сделать заказ к Рамадану. Для семейного ужина.

— Конечно. На какой день?

— На пятницу. К вечеру. К первому ифтару.

Женщина взяла блокнот.

— Что хотите заказать?

Лейла посмотрела на витрину. Дома такие вещи решались быстро: «лучшее», «самое свежее», «достаточно на тридцать человек». Здесь почему-то хотелось спросить правильно.

— Кунфе. Пахлаву. Может быть, ещё что-то традиционное. Мама сказала, у вас... — она запнулась, — у вас хорошо делают.

Женщина улыбнулась краешком губ.

— Мама всегда права, когда говорит о сладостях.

Лейла тоже улыбнулась.

— Наверное.

— На какое имя записать?

— Демир.

Ручка женщины остановилась на бумаге.

Всего на секунду.

Но Лейла заметила.

Она привыкла замечать такие паузы. Фамилия часто входила в комнату раньше неё самой. Люди менялись после неё: выпрямляли спину, становились осторожнее, начинали говорить чуть мягче. Лейла никогда не знала, радоваться этому или стыдиться.

— Демир, — повторила женщина уже ровно. — Хорошо. Сколько гостей?

— Около тридцати.

— Тогда одного кунфе мало. Лучше три большие формы. И пахлаву ассорти. Можно добавить шекерпаре.

— Да, хорошо.

Из глубины пекарни донёсся мужской голос:

— Мама, где форма для кунфе?

Лейла повернулась.

Он вышел из-за занавески, держа в руках металлический противень.

Высокий. В простой тёмной футболке. Рукава закатаны, на предплечьях мука, на виске тонкая полоска пота. Волосы тёмные, немного растрёпанные, взгляд прямой и усталый. Он не выглядел как человек, который хотел понравиться. Скорее наоборот — как человек, которому было всё равно, кто перед ним стоит.

Именно поэтому Лейла посмотрела на него дольше, чем следовало.

Он тоже посмотрел.

Недолго.

Потом перевёл взгляд на мать.

— Я спрашивал про форму.

Женщина нахмурилась.

— Эмир, у нас клиентка.

Он снова посмотрел на Лейлу.

Вежливо.

Но холодно.

— Я вижу.

Лейла не знала почему, но от этих двух слов ей стало неприятно. Не потому, что он был груб. Он не был груб. Просто в его голосе не было того, к чему она привыкла: мягкого уважения, осторожности, желания угодить.

Он видел её.

Но не восхищался.

И почему-то именно это задело сильнее всего.

— Форма на нижней полке, — сказала Айше. — И не стой над душой.

— Я не стою.

— Стоишь.

Эмир вздохнул, поставил противень на край стола и исчез за занавеской.

Лейла поймала себя на том, что смотрит ему вслед.

Айше заметила это. Но ничего не сказала.

— Простите, — произнесла она. — Сын иногда забывает, что перед ним люди, а не тесто.

Лейла неожиданно улыбнулась.

— Ничего страшного.

— Он хороший. Просто с утра злой.

Из-за занавески донеслось:

— Я всё слышу.

— Вот и хорошо, — ответила Айше. — Значит, ещё не оглох от своей гордости.

На этот раз Лейла не смогла не рассмеяться. Тихо, коротко, но по-настоящему.

Смех вышел неожиданным даже для неё самой.

Эмир снова появился через минуту, уже с круглой формой в руках. Он поставил её на стол рядом с прилавком, но уходить не стал.

— Сколько кунфе? — спросил он.

— Три больших формы, — сказала Айше.

— К пятнице?

— К пятнице.

Он посмотрел на Лейлу.

— Заберёте сами или нужна доставка?

— Доставка, наверное.

— Куда?

Лейла назвала район.

Эмир чуть заметно поднял брови.

Не удивлённо. Скорее так, будто всё стало на свои места.

Лейла почувствовала это и почему-то выпрямилась.

— Это далеко? — спросила она.

— Для нас нет.

— Тогда почему вы так посмотрели?

Айше тихо кашлянула.

Эмир посмотрел на Лейлу внимательнее. Кажется, он не ожидал вопроса.

— Как?

— Так, будто уже всё поняли.

Он помолчал.

— Иногда адрес говорит достаточно.

Лейла почувствовала, как к лицу приливает тепло. Не от смущения — от раздражения.
— И что именно он вам сказал?

Эмир положил руки на край прилавка.

— Что кунфе должен быть идеальным.

— Разве для других он может быть неидеальным?

Айше перестала писать.

На секунду в пекарне стало слишком тихо, хотя за стеной всё ещё шумела улица.

Эмир посмотрел на неё так, будто впервые увидел не платье, не фамилию, не машину у входа, а её саму.

— Нет, — сказал он наконец. — Для других тоже должен быть идеальным.

— Тогда хорошо.

Лейла сама удивилась своему голосу. Он прозвучал спокойно, но твёрдо. Не так, как дома. Дома она никогда не спорила из-за таких мелочей.

Эмир ничего не ответил.

Айше быстро вернулась к блокноту.

— Значит, три формы кунфе, пахлава ассорти, шекерпаре. Ещё рекомендую кадаиф. Хорошо подают после ифтара.

— Добавьте, пожалуйста.

— На имя Демир. Доставка в пятницу. К которому часу?

— К семи.

— Будет готово.

Лейла открыла сумку, достала кошелек.

— Нужно оставить предоплату?

— Да, половину.

Айше назвала сумму. Лейла передала деньги. Эмир взял их, чтобы убрать в кассу, и их пальцы почти соприкоснулись — совсем случайно. Лейла тут же убрала руку, хотя ничего не произошло.

Совсем ничего.

Только почему-то она вдруг ясно почувствовала запах муки и горячего теста.

Эмир тоже заметил её движение. Его лицо осталось спокойным.

— Чек нужен? — спросил он.

— Да, пожалуйста.

Он пробил чек и протянул ей.

— Держите.

Лейла взяла бумагу.

— Спасибо.

— Не за что.

Она должна была уйти.

Заказ был сделан. День продолжался. Впереди были университет, синий вечерний наряд, семья Арсланов, правильные разговоры и Селим с вежливой улыбкой.

Но Лейла почему-то не двигалась.

Она смотрела на витрину, будто выбирала ещё что-то.

— Это что? — спросила она, указывая на маленькие круглые булочки с кунжутом.

— Ачма, — ответила Айше. — Свежие. Попробуйте.

— Мне не нужно...

— Иногда нужно не только то, за чем пришли.

Айше сказала это просто, без намёка. Но Лейле вдруг показалось, что фраза касается не булочки.

Эмир взял одну ачму, завернул в бумагу и протянул ей.

- Это не входит в заказ.
- Я заплачу.
- Не надо.
- Почему?
- Потому что это одна булочка.
- Я могу заплатить за одну булочку.
- Я не сомневаюсь.

Он сказал это ровно, но в его голосе снова мелькнуло что-то острое. Лейла сжала ручку сумки.

- Вы всегда так разговариваете с клиентами?
 - Только с теми, кто спорит из-за подарка.
- Айше закрыла лицо ладонью.
- Эмир.

Лейла должна была обидеться. Дома за такую фразу человека могли бы больше никогда не пригласить даже к служебному входу. Но вместо обиды она почувствовала странное, почти забытое ощущение.

- Ей стало интересно.
- Спасибо, — сказала она и взяла свёрток.
- На этот раз их пальцы не соприкоснулись.

Эмир отступил первым.

Лейла повернулась к выходу. Уже у двери она услышала детский голос:

- Мама, я опоздаю!

Из боковой комнаты выбежала девочка лет десяти с рюкзаком за спиной. Волосы заплетены неровно, одна лямка висит ниже другой. Она остановилась, увидев Лейлу, и широко раскрыла глаза.

- Какая красивая, — сказала девочка.
 - Элиф! — Айше всплеснула руками.
- Лейла улыбнулась — на этот раз тепло.
- Спасибо.

Девочка подошла ближе.

- Вы как из сериала.

Эмир тихо сказал:

- В школу.

— Я иду! — Элиф скривилась. Потом снова посмотрела на Лейлу. — Вы ещё придёте? Вопрос был детский, простой, случайный.

Но в пекарне почему-то снова стало тихо.

Лейла посмотрела на Айше, потом на Эмира.

- Не знаю, — ответила она честно.

Эмир опустил взгляд к противню.

- Заказ привезут. Приходить не обязательно.

Вот теперь стало больно.

Совсем немного.

Так, как бывает, когда чужой человек вдруг ставит тебя на место, хотя ты сама ещё не поняла, куда хотела шагнуть.

Лейла кивнула.

- Тогда до свидания.
 - До свидания, kızım, — сказала Айше.
 - Пока! — крикнула Элиф.
- Эмир ничего не сказал.

Лейла вышла на улицу.

Солнце стало ярче. Машины шумели, люди проходили мимо, кто-то смеялся у соседней лавки. Водитель сразу открыл дверь, но Лейла не села. Она постояла несколько секунд у машины, держа в руках бумажный свёрток с ачмой.

— Всё в порядке, ханым? — спросил водитель.

— Да.

Она посмотрела на вывеску пекарни.

Kara Fırın.

Тёмные буквы на светлой стене.

Ничего особенного.

Обычная маленькая пекарня в Каракёе.

Обычный заказ к Рамадану.

Обычный день, который должен был закончиться так же, как все остальные: ужином, правильным платьем, чужими ожиданиями.

Лейла села в машину.

Когда они тронулись, она развернула свёрток. Ачма была ещё тёплой. Лейла отломилась маленький кусочек и попробовала.

Вкус был простой: масло, тесто, кунжут, соль.

Но почему-то именно от этой простоты ей захотелось закрыть глаза.

Телефон снова завибрировал.

Дерья:

«Ну что, жива после семейного завтрака?»

Лейла посмотрела на сообщение, потом на пекарню, которая уже оставалась позади.

Она набрала:

«Я была в Каракёе».

Дерья ответила:

«И?»

Лейла долго смотрела на экран.

Потом написала:

«Там пахнет хлебом».

Дерья прислала смеющийся смайлик.

«Это всё?»

Лейла не ответила.

Потому что это было не всё.

Просто она ещё не знала, как назвать остальное.

Машина поднималась обратно к холмам, к дому, к Босфору за высокими окнами. Город снова становился тише, чище, правильнее. Лейла смотрела в стекло и впервые за долгое время чувствовала не грусть и не пустоту.

А беспокойство.

Живое.

Тёплое.

Почти опасное.

Она открыла сумку, чтобы убрать чек, и увидела книгу. Из неё чуть выглядывал сложенный лист с расплывшимися чернилами.

Лейла достала его.

«Вода найдёт путь, даже если камень будет против».

Она прочитала фразу один раз.

Потом ещё раз.

И почему-то подумала не о воде.

А о человеке с мукой на руках, который посмотрел на неё так, будто её фамилия ничего не значила.

К вечеру она наденет синее платье. Сядет рядом с матерью. Улыбнётся семье Арсланов. Ответит на вопросы Селима. Скажет всё, что нужно сказать.

Но где-то внутри неё уже останется маленькая пекарня в Каракее.

Тёплый воздух.

Голос девочки:

«Вы ещё придёте?»

И холодный ответ Эмира:

«Приходить не обязательно».

Лейла посмотрела в окно.

Босфор блестел между домами.

Она вдруг поняла: иногда достаточно одного человека, который не пытается тебе понравиться, чтобы вся твоя идеально выстроенная жизнь дала первую трещину.

Глава 2

Глава 2. Правильные гости

К вечеру дом Демиров стал другим.

Не потому что в нём что-то изменилось по-настоящему. Те же стены, тот же мраморный пол, те же высокие окна, за которыми темнел Босфор. Но в дни, когда ожидали гостей, дом будто надевал на себя ещё один слой — более холодный, более торжественный, более правильный.

Фатма с утра двигалась быстрее обычного. На кухне звенела посуда, в гостиной меняли цветы, в столовой проверяли салфетки. В воздухе стоял запах полироли, жасмина и чего-то сладкого, приготовленного заранее к чаю.

Зехра Демир лично прошла по первому этажу три раза.

Первый раз — чтобы проверить всё.

Второй — чтобы проверить тех, кто проверил всё.

Третий — потому что не умела ждать спокойно.

Лейла стояла перед зеркалом в своей комнате и смотрела на синее платье.

То самое, которое мать попросила надеть утром.

Платье было красивым. Очень красивым. Глубокий синий цвет делал её кожу ещё светлее, волосы — темнее, глаза — мягче. Ткань ложилась идеально, будто была создана не для движения, а для того, чтобы в ней сидели прямо, улыбались вовремя и производили хорошее впечатление.

Лейла медленно застегнула серьгу.

В зеркале на неё смотрела девушка, у которой всё было на месте.

Волосы уложены.

Платье без складки.

Лицо спокойное.

Ни одного признака того, что несколько часов назад она стояла в маленькой пекарне в Каракёе и почему-то спорила с незнакомым парнем из-за бесплатной булочки.

Лейла открыла сумку и достала чек.

Обычный чек. Маленькая белая бумажка с названием пекарни, суммой заказа и датой. Его можно было выбросить. Нужно было выбросить. Он не имел никакого значения.

Она положила его в ящик стола.

Потом передумала.

Достала обратно.

Сложила пополам и спрятала в книгу по экономике, которую всё равно почти никогда не открывала.

В дверь постучали.

— Лейла?

Это была Зехра.

— Да, мама.

Мать вошла без ожидания ответа, но с такой мягкостью, будто всё ещё спрашивала разрешения.

Она остановилась у порога и посмотрела на дочь.

— Очень красиво.

Лейла улыбнулась.

— Спасибо.

Зехра подошла ближе, поправила ей прядь волос у виска.

— Только не будь сегодня такой молчаливой.

— Я не молчаливая.

— Ты спокойная. Это хорошо. Но иногда люди принимают спокойствие за холодность. Лейла хотела сказать, что иногда люди принимают послушание за счастье, но промолчала.

Зехра посмотрела на неё внимательнее.

— Ты какая-то задумчивая после поездки.

— Просто устала.

— В пекарне всё заказала?

— Да. К пятнице привезут.

— Хорошо. Как там?

Лейла не сразу поняла вопрос.

— Где?

— В пекарне.

Перед глазами сразу возникло: запотевшее стекло, тёплый воздух, девочка с неровной косой, руки Эмира в муке.

— Обычная маленькая пекарня, — сказала она.

Зехра кивнула.

— Главное, чтобы сделали достойно. Айше-ханым очень хвалила.

Лейла почти спросила: «Какая Айше-ханым?» — но вовремя остановилась. Конечно, мать говорила не о той женщине за прилавком. У Зехры была своя Айше-ханым — жена кого-то из их круга, которая рекомендовала место через кого-то ещё.

В их мире даже маленькая пекарня попадала в дом через правильных людей.

— Лейла, — мягко сказала мать. — Сегодня важный вечер.

— Я знаю.

— Семья Арсланов нам близка. Твой отец давно знает Рыза-бея. Они уважаемые люди.

Очень достойные.

Лейла смотрела на своё отражение в зеркале, но видела не себя, а мамины руки на своих плечах.

— Я понимаю.

— Селим тоже будет.

Вот оно.

Имя прозвучало спокойно, но Лейла почувствовала, как внутри всё напряглось.

— Я поняла, мама.

— Не отвечай так, будто тебя ведут на наказание.

— Я просто не понимаю, почему это каждый раз нужно подчёркивать.

Зехра убрала руки с её плеч.

Не резко. Но сразу.

— Потому что ты делаешь вид, будто не понимаешь.

Лейла повернулась к ней.

— Что именно я должна понять?

Мать выдержала паузу.

— Что такие знакомства не появляются случайно.

— А если я не хочу такого знакомства?

Зехра посмотрела на дочь с недоумением, будто та сказала что-то не просто неприятное, а нелогичное.

— В смысле — не хочешь?

Лейла почувствовала, как сердце ударило быстрее. Она редко говорила с матерью так прямо. Обычно всё обходилось намёками, молчанием, отсрочками.

— В прямом смысле. Я не хочу, чтобы меня с кем-то сближали.

— Тебя никто ни с кем не сближает силой.

— Но вы все ведёте себя так, будто уже всё решили.

Зехра вздохнула.

— Лейла, ты девочка из хорошей семьи. Селим — молодой человек из хорошей семьи. Образованный, воспитанный, спокойный. Он тебе подходит.

— Подходит для чего?

— Для жизни.

— Мама, я видела его несколько раз.

— Поэтому сегодня ты и поговоришь с ним больше.

Лейла опустила глаза.

Семья.

В доме Демиров это слово было не просто словом. Оно было стеной, крышей, замком, долгом, гордостью, оправданием. Им можно было обнять. Им же можно было прижать к земле.

Зехра смягчилась и снова коснулась её щеки.

— Никто не заставляет тебя выходить замуж завтра. Просто будь внимательна. Иногда судьба приходит спокойно, без громких знаков.

Лейла неожиданно вспомнила голос Эмира:

«Приходить не обязательно».

Если это был знак, он точно не был спокойным.

— Я спущусь через минуту, — сказала она.

— Не заставляй отца ждать.

Когда мать вышла, Лейла ещё некоторое время стояла неподвижно.

Потом подошла к окну.

Внизу, у ворот, уже остановилась машина. Чёрная, блестящая, слишком похожая на все машины, которые приезжали к Демировым по вечерам.

Охранник открыл ворота.

Гости приехали.

Лейла сделала глубокий вдох и вышла из комнаты.

В гостиной горел мягкий свет. Халиль Демир стоял у камина и разговаривал с высоким мужчиной с седыми висками. Рядом с ними Зехра приветствовала женщину в жемчужном ожерелье. Мурат уже был там — в идеально сидящем костюме, с выражением человека, который родился для таких вечеров.

Керем сидел в кресле у окна и листал телефон. При виде Лейлы он поднял глаза и едва заметно состроил страдальческое лицо.

Она чуть не улыбнулась.

— А вот и Лейла, — сказала Зехра.

Все повернулись.

Лейла вошла в гостиную так, как её учили с детства: не слишком быстро, не слишком медленно, с мягкой улыбкой, с ровной спиной.

Сначала она подошла к Рыза-бею.

Как было принято в их семье, она взяла его руку, легко коснулась губами и затем поднесла к своему лбу.

— Добрый вечер, Рыза-бей.

— Машаллах, Лейла, какая ты стала взрослая, — сказал он тепло. — Халиль, я ведь помню её совсем ребёнком.

Халиль слегка кивнул.

— Дети растут быстрее, чем мы успеваем заметить.

Затем Лейла подошла к госпоже Арслан. Та протянула ей руку с мягкой улыбкой. Лейла так же почтительно поцеловала её и коснулась рукой лба.

— Добрый вечер, тётя Нермин.

— Благослови тебя Аллах, дитя, — сказала госпожа Арслан. — Какая красавица. Зехра, ты должна гордиться.

— Мы и гордимся, — ответила мать.

Это слово снова легло Лейле на плечи.

Гордость.

Не любовь.

Не радость.

Гордость.

Потом она увидела Селима.

Он стоял чуть позади родителей.

Высокий, аккуратный, в тёмном пиджаке, с приятным лицом и спокойной улыбкой. В нём не было ничего неприятного. Наоборот, он выглядел именно так, как должен был выглядеть человек, которого одобрила бы любая мать.

Он посмотрел на Лейлу иначе, чем раньше.

Дольше.

Внимательнее.

Будто в этот вечер впервые увидел не просто дочь Халиля Демира, а девушку, которая стояла перед ним в синем платье и старалась быть спокойной, хотя внутри явно хотела оказаться где угодно, только не здесь.

— Добрый вечер, Лейла, — сказал он.

— Добрый вечер, Селим.

Он чуть наклонил голову.

— Рад тебя видеть.

— Спасибо.

Она не сказала: «Я тоже».

И сама услышала эту паузу.

Селим тоже услышал.

Но не смутился. Наоборот, в его глазах появилось что-то похожее на интерес.

За ужином разговор шёл ровно.

О бизнесе.

О рынке.

О благотворительном вечере в следующем месяце.

О том, как изменился Стамбул.

О том, что молодёжь сейчас слишком спешит жить.

Лейла сидела между матерью и Селимом. Она ела мало, отвечала вежливо, улыбалась, когда нужно было улыбаться, но почти не начинала разговор сама.

Селим несколько раз пытался вовлечь её.

— Ты ведь учишься на экономике?

— Да.

— Тебе нравится?

— Не всё.

Ответ был коротким. Почти сухим.

Зехра едва заметно повернула голову к дочери.

Селим, наоборот, улыбнулся.

— Честно.

— Что?

— Обычно на такой вопрос отвечают: «Да, конечно, очень интересно».

— Это было бы неправдой.

— А ты не любишь говорить неправду?

Лейла посмотрела на него.

— По возможности.

— Редкое качество.

Она не ответила.

Госпожа Арслан, сидевшая напротив, вмешалась с мягкой улыбкой:

— Лейла всегда была серьёзной девочкой. Помню, даже маленькой не бегала, как другие дети. Сидела рядом с матерью и слушала взрослых.

— Она у нас воспитанная, — сказала Зехра.

Керем с другого конца стола поднял глаза на Лейлу.

Он понимал, как она не любила, когда её описывали так, будто она красивый предмет в витрине.

Селим тоже, кажется, это заметил.

— Иногда самые спокойные люди просто лучше скрывают, что у них внутри, — сказал он.

Лейла повернулась к нему.

Фраза была не плохой. Даже точной.

Но ей не захотелось благодарить его за наблюдательность.

Она уже устала от того, что все в этот вечер смотрели на неё как на загадку, которую обязательно нужно решить.

— Возможно, — сказала она.

И снова замолчала.

Селим не отступил. Но и не давил. Он просто наблюдал. Спокойно, с интересом, почти бережно.

Это было хуже.

Если бы он был самоуверенным, ей было бы проще его не любить.

После ужина мужчины перешли в малую гостиную. Женщины остались пить чай. Так было всегда: сначала все вместе, потом разговоры «по интересам», которые на самом деле означали разговоры по ролям.

Зехра и госпожа Арслан обсуждали благотворительный вечер. Лейла слушала вполуха.

— Лейла, — сказала вдруг госпожа Арслан, — вы ведь занимаетесь каллиграфией?

— Да, немного.

— Как изящно. Сейчас мало кто из девушек выбирает такие занятия.

— Мне это нравится.

— Это чувствуется. Женщина должна иметь в себе тишину. Тогда рядом с ней спокойно.

Лейла подняла глаза.

Госпожа Арслан сказала это без злого умысла. Даже с одобрением. Но в этих словах было что-то такое, от чего Лейле захотелось встать и выйти.

Женщина должна иметь в себе тишину.

Она представила себе комнату, в которой все её мысли аккуратно расставлены по полкам. Где ничего не падает, не шумит, не просится наружу. Где нет вопросов, нет желаний, нет случайного смеха в пекарне.

— Иногда тишина бывает не спокойствием, — сказала Лейла. — А привычкой молчать. Зехра повернулась к ней.

Госпожа Арслан удивлённо моргнула.

Пауза длилась всего секунду, но Лейла почувствовала её всем телом.

Потом госпожа Арслан мягко улыбнулась.

— Очень тонко сказано.

Зехра тоже улыбнулась, но Лейла знала мать слишком хорошо.

Эта улыбка означала: мы поговорим позже.

В дверях появился Селим.

— Простите, можно украсть Лейлу на несколько минут? Хотел показать ей фотографии из Венеции. Мы недавно вернулись.

Госпожа Арслан оживилась.

— Конечно.

Зехра посмотрела на дочь.

— Идите в зимний сад. Там тише.

Лейла встала.

Ей не хотелось идти.

Совсем.

Но отказаться при всех означало бы устроить сцену, а сцены в доме Демиров считались хуже любой лжи.

Селим пропустил её вперёд.

Зимний сад был любимым местом Зехры: стеклянные стены, пальмы в больших кадках, низкие кресла, маленький фонтан, который тихо журчал в углу. Днём отсюда был виден Босфор, вечером — только отражения в стекле.

Лейла села в кресло у окна.

Селим сел напротив и достал телефон.

— Я действительно хотел показать фотографии, — сказал он. — Но, честно говоря, это был предлог.

Лейла посмотрела на него.

— Для чего?

— Чтобы поговорить без родителей.

— О чём?

Вопрос прозвучал холоднее, чем она хотела.

Селим заметил.

Но вместо обиды на его лице появилось что-то похожее на улыбку.

— О тебе.

— Мы почти не знакомы.

— Именно поэтому.

— Селим, — сказала Лейла осторожно, — я не думаю, что сейчас подходящий момент.

— Потому что наши родители смотрят на нас так, будто уже выбрали дату?

Она не ожидала от него такой прямоты.

— В том числе.

— Меня это тоже смущает.

— Правда?

— Да. Но не настолько, чтобы не захотеть узнать тебя ближе.

Лейла опустила взгляд.

Вот оно.

Он был не просто вежлив.

Не просто выполнял семейный сценарий.

Он действительно хотел.

И от этого ей стало ещё тяжелее.

— Ты почти ничего обо мне не знаешь, — сказала она.

— Я знаю, что ты не любишь притворяться больше, чем необходимо.

— Это не всегда достоинство.

— Для меня — да.

— Ты делаешь выводы после одного ужина.

— Иногда одного ужина достаточно, чтобы понять, что человек отличается от всех остальных за столом.

Лейла посмотрела в стекло.

В отражении она увидела себя и Селима: красивая пара, подходящие друг другу люди, два силуэта из одного мира.

Снаружи всё выглядело правильно.

И именно поэтому внутри ей захотелось отступить.

— Селим, ты хороший, — сказала она.

Он тихо рассмеялся.

— Обычно после таких слов мужчина должен начать готовиться к плохим новостям.

— Я не хочу тебя обидеть.

— А хочешь что?

Она молчала.

Это был самый честный ответ, который она могла дать.

Селим стал серьезнее.

— Лейла, я не собираюсь делать вид, что между нами уже что-то решено. Я уважаю твою семью. Уважаю твоего отца. Но я не хочу, чтобы ты чувствовала себя вещью, которую передают из одного уважаемого дома в другой.

От этих слов ей стало легче.

И одновременно тяжелее.

Потому что если бы он был грубым, самодовольным, неприятным, всё было бы проще.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— За что?

— За то, что сказал это.

Селим посмотрел на неё внимательно.

— Тогда начнём с простого. Кофе на следующей неделе. Без родителей. Просто поговорить.

Лейла почти сразу поняла, что не хочет.

Не потому что Селим был плох.

Не потому что он ей неприятен.

А потому что всё внутри неё сопротивлялось мысли, что она сделает ещё один шаг по дороге, которую для неё уже выбрали.

— Я не знаю, — сказала она.

— Это не отказ?

Она подняла глаза.

— Это не согласие.

Селим несколько секунд смотрел на неё.

Потом кивнул.

— Честно.

— Прости.

— Не извиняйся. Лучше честно, чем вежливо.

Он улыбнулся, но Лейла заметила: его улыбка стала чуть мягче. Не холоднее. Наоборот. Её отказ не оттолкнул его.

Он заинтересовался ещё больше.

Когда они вернулись в гостиную, Зехра сразу посмотрела на дочь. Лейла поняла: мать пытается прочитать её лицо.

Она сделала его спокойным.

Вечер закончился ближе к одиннадцати.

Арсланы уехали довольными. Госпожа Арслан сказала Зехре что-то тихо у дверей, и мать улыбнулась так, будто слышала хорошую новость. Рыза-бей пожал руку Халилю. Селим попрощался с Лейлой сдержанно и тепло.

Перед уходом он подошёл к ней ближе.

— Я буду рад, если ты всё-таки напишешь, — сказал он.

— Хорошо.

— Лейла.

Она посмотрела на него.

— Я правда хотел бы увидеть тебя снова. Не потому что так хотят наши семьи.

Он сказал это тихо. Без давления. Но слишком искренне.

Лейла не знала, что ответить.

— Спокойной ночи, Селим.

Он понял.

И всё равно улыбнулся.

— Спокойной ночи.

Когда ворота закрылись за машиной гостей, дом будто выдохнул.

Но ненадолго.

Зехра повернулась к дочери.

— Лейла, поднимемся ко мне.

Это было сказано мягко.

Но Лейла сразу поняла: разговор будет не мягким.

Они поднялись в комнату Зехры. Это была не спальня, а скорее маленькая гостиная при спальне: светлая мебель, зеркало, кресла, низкий столик, фотографии семьи в серебряных рамках.

Мать закрыла дверь.

Несколько секунд она молчала.

Потом повернулась к Лейле.

— Что это было?

— Что именно?

— Не делай вид, что не понимаешь.

Лейла устало выдохнула.

— Мама, я вежливо общалась весь вечер.

— Вежливо — да. Тепло — нет.

— Я не обязана быть тёплой с человеком, которого почти не знаю.

Зехра нахмурилась.

— В смысле — не обязана? Он наш гость. Сын уважаемой семьи. Он проявил к тебе внимание.

— Я это заметила.

— И?

— И я не хочу.

Слова прозвучали слишком просто.

Даже сама Лейла испугалась их прямоты.

Зехра замерла.

— Что значит — не хочешь?

— Не хочу с ним встречаться. Не хочу кофе. Не хочу, чтобы все смотрели на нас так, будто это уже начало помолвки.

— Лейла, ты слышишь себя?

— Да.

— Он прекрасный молодой человек.

— Я не говорю, что он плохой.

— Тогда в чём проблема?

Лейла сжала пальцы.

— В том, что я не хочу.

Зехра смотрела на неё так, будто это был самый слабый аргумент на свете.

— Одного «не хочу» недостаточно, когда речь идёт о будущем.

— А чего достаточно? Чтобы он был из правильной семьи?

— Это важно.

— Для тебя.

— Для всех. Просто ты сейчас думаешь, что жизнь строится на чувствах.

— А на чём она строится?

— На уважении. На доверии. На семье. На том, чтобы рядом был человек, который не разрушит твою жизнь.

— А если я не хочу жить жизнью, которую нельзя разрушить только потому, что она заранее не моя?

Зехра побледнела.

— Не говори глупостей.

— Это не глупости.

— Это именно глупости. Романтические, детские глупости. Ты увидела где-то свободу и решила, что всё остальное — клетка.

Лейла резко подняла глаза.

— Почему ты так сказала?

— Потому что я твоя мать. Я вижу, когда с тобой что-то происходит.

В комнате стало тихо.

Слишком тихо.

Лейла вдруг вспомнила чек в книге. Слово Кага на листе. Свои дрожащие пальцы после пекарни.

Зехра подошла ближе.

— Селим сегодня после разговора с тобой подошёл к матери. Он сказал, что ты необычная. Что у тебя характер. Что ему захотелось узнать тебя лучше. Ты понимаешь, что это значит?

— Что он ошибается.

— Нет. Это значит, что достойный мужчина увидел в тебе не только внешность и фамилию.

— Мама, я не хочу, чтобы меня сейчас кто-то видел в качестве будущей жены.

— А когда захочешь? Когда будет поздно?

— Поздно для чего?

— Для хорошего выбора.

Лейла почувствовала, как внутри поднимается отчаяние.

— А если хороший выбор — это не обязательно Селим?

Зехра посмотрела на неё внимательно.

— А кто?

Вопрос ударил слишком точно.

Лейла молчала.

Мать сделала шаг назад.

— Вот видишь. Ты сама не знаешь. А когда девушка сама не знает, семья должна помочь ей не ошибиться.

— Или не дать выбрать.

— Иногда это одно и то же.

Лейла не верила, что мать сказала это вслух.

Зехра, кажется, тоже поняла, что зашла слишком далеко. Её голос стал мягче.

— Доченька, я не враг тебе. Я просто знаю жизнь. Красивые слова, сильные чувства, случайные встречи — всё это кажется важным в двадцать лет. А потом остаётся быт. Семьи. Деньги. Репутация. Дети. И тогда оказывается, что «я не хочу» было не свободой, а капризом.

— Значит, моё желание — каприз?

— Сейчас — возможно.

Лейла почувствовала, как глаза щипало, но не заплакала.

Она редко плакала при матери. Слезы в доме Демиров всегда превращались в ещё один аргумент против тебя.

— Я устала, — сказала она.

— Лейла...

— Можно я пойду?

Зехра смотрела на неё долго.

Потом кивнула.

— Иди. Но подумай. Не отталкивай хорошего человека только потому, что тебе страшно взрослеть.

Лейла вышла из комнаты.

На лестнице её ждал Керем.

Он сидел на ступеньке, в руках телефон, но экран был погасшим.

— Подслушивал? — спросила она.

— Случайно.

— Конечно.

Он поднялся и пошёл рядом с ней наверх.

— Ты нормально?

— Да.

— Ты всегда так говоришь.

Лейла остановилась.

Эту же фразу утром сказала Фатма.

— Я правда нормально.

Керем посмотрел на неё недоверчиво.

— Мама ругалась?

— Мы разговаривали.

— У нас это одно и то же.

Лейла невольно улыбнулась.

Они поднялись на второй этаж. В коридоре было темно, только настенные светильники давали мягкий жёлтый свет.

— Ты правда не хочешь с ним общаться? — спросил Керем.

Лейла посмотрела на младшего брата.

— Правда.

— Он вроде нормальный.

— В этом и проблема.

— Что нормальный?

— Что мне даже нечего предъявить. Он хороший. Воспитанный. Умный. Не давит.

— Но?

Лейла долго молчала.

— Но рядом с ним я чувствую, что мне уже выдали готовую жизнь и ждут, когда я перестану сопротивляться.

Керем прислонился плечом к стене.

— А ты сопротивляешься?

— Пока только внутри.
— Это тоже начало.
Она посмотрела на него.
— Ты сегодня слишком взрослый.
— Не говори Мурату. Он расстроится.
Лейла тихо рассмеялась.
Керем улыбнулся, но потом стал серьёзным.

— Что случилось в пекарне?

— Ничего.

— Лейла.

Она вздохнула.

— Там всё было... иначе.

— Иначе — это как?

Она сама не знала.

— Живо.

Керем посмотрел на неё внимательно.

— Там кто-то был?

Лейла слишком быстро ответила:

— Нет.

Керем прищурился.

— Ого.

— Что?

— Значит, был.

— Ты невозможен.

— Я твой брат. Это моя работа.

Лейла покачала головой и пошла к своей комнате.

— Спокойной ночи, Керем.

— Лейла.

Она обернулась.

Он уже не улыбался.

— Только будь осторожна.

Она хотела возразить, что осторожной была всю жизнь.

Но вместо этого сказала:

— Постараюсь.

В комнате наконец стало тихо.

Лейла сняла серьги, расстегнула платье, переделась в домашнюю одежду. Синий шёлк лёг на кресло, как сброшенная роль.

Она подошла к столу, достала книгу по экономике и вынула чек из пекарни.

Kara Fırın.

Она провела пальцем по названию.

Потом открыла телефон.

От Дерьи было семь сообщений.

«Ну что?»

«Селим был?»

«Он всё ещё улыбается как дипломат?»

«Ты жива?»

«Лейла?»

«Не молчи, я начинаю придумывать трагедию».

«Хотя, зная твою семью, трагедия сама себя пишет».

Лейла улыбнулась и набрала:

«Он хороший».

Ответ пришёл мгновенно.

«Сочувствую. Это самый неудобный вариант».

Лейла села на кровать.

«Он хочет встретиться».

«А ты?»

Лейла долго смотрела на экран.

Потом написала:

«Я не хочу».

Дерья ответила не сразу.

«Ты сказала это матери?»

«Да».

«И дом ещё стоит?»

Лейла почти улыбнулась.

«Пока да».

«Горжусь тобой».

Эти два слова неожиданно тронули её сильнее, чем все комплименты за вечер.

Лейла набрала:

«Я сегодня вспомнила пекарню».

Дерья:

«О. Вот теперь начинается главное».

«Ничего не начинается».

«Имя?»

Лейла посмотрела на чек, будто имя могло быть написано там.

«Эмир».

«Красиво. Опасно. Продолжай».

«Нечего продолжать. Он грубоватый. Холодный. Неприятный».

«И ты почему-то пишешь мне о нём после разговора с почти идеальным Селимом».

Лейла закрыла лицо ладонью.

«Я не пишу о нём. Просто вспомнила».

«Лейла, ты купила сладости или начало проблемы?»

Лейла не ответила.

Потому что Дерья, как всегда, попала слишком близко.

Она положила телефон рядом и легла, но сон не приходил.

За окном темнел Босфор. Ночью он уже не казался продолжением неба. Он был тёмной, движущейся полосой, разделяющей берега. Иногда по воде проходили огни судов, и тогда казалось, что город шепчет сам с собой на языке, который люди забыли.

Лейла думала о Селиме.

О его правильных словах.

О его спокойствии.

О том, что он не хотел сделать ей больно.

Потом — о матери.

О её фразе: «В смысле — не хочешь?»
Как будто желание дочери было странностью, которую нужно объяснить.
Потом — об отце.
О фамилии.
О репутации.
О том, что один неосторожный шаг может разрушить то, что строилось годами.
Потом — об Эмире.
И тут мысли переставали быть ровными.
Она не знала его. Совсем. Несколько фраз, холодный взгляд, мука на руках, голос, в котором было больше стены, чем человека.
Но почему-то рядом с ним она впервые за долгое время сказала не то, что от неё ждали.
«Разве для других он может быть неидеальным?»
Это была мелочь.
Смешная.
Почти глупая.
И всё же она снова и снова возвращалась к этой секунде. К тому, как он посмотрел на неё после вопроса.
Не как на дочь Халиля Демира.
Не как на девушку в дорогом платье.
Не как на заказ к пятнице.
А как на человека, который вдруг ответил.
Лейла повернулась на бок и закрыла глаза.
«Приходить не обязательно».
Она должна была забыть эти слова.
В них не было ничего особенного.
Но именно они не отпускали.
Утром Лейла проснулась раньше будильника.
За окном светлело. Дом ещё спал. Даже Фатма не начала свои первые шаги по коридору.
Лейла лежала неподвижно и смотрела в потолок.
Вчерашний вечер казался частью прежней жизни: Арсланы, Селим, синее платье, разговор с матерью, слово «не хочу», которое прозвучало в комнате почти как преступление.
А пекарня — нет.
Пекарня была маленькой неправильной точкой на карте её дня.
И именно к этой точке тянулись все мысли.
Она встала, накинула халат и подошла к столу. Достала чек. Потом лист с каллиграфией.
«Вода найдёт путь, даже если камень будет против».
Лейла долго смотрела на фразу.
Потом взяла чистый лист.
Обмакнула перо в чернила.
И впервые написала не пословицу, не упражнение, не фразу преподавателя.
Она написала одно слово.
Kara.
Чёрный.
Фамилия.
Название пекарни.
И почему-то — начало чего-то, чего она ещё не понимала.
Чернила легли неровно. Последняя буква получилась слишком резкой.
Лейла смотрела на неё и чувствовала странное волнение. Не радость. Не страх. Что-то между.

В дверь тихо постучали.
Она быстро накрыла лист книгой.

— Да?

Вошла Фатма.

— Вы уже проснулись?

— Да.

Фатма посмотрела на неё, потом на стол.

— Сегодня рано.

— Не спалось.

— Госпожа Зехра просила напомнить: после университета нужно заехать в ателье. Платье к благотворительному вечеру.

Лейла закрыла глаза на секунду.

Ателье.

Платье.

Благотворительный вечер.

Правильная жизнь снова выстраивалась перед ней, как расписание, написанное чужой рукой.

— Хорошо, — сказала она.

Фатма не ушла сразу.

— Вчера гости понравились?

Лейла повернулась.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто спрашиваю.

— Понравились.

— Селим-бей хороший молодой человек.

Лейла посмотрела на неё внимательно.

— Вы тоже так считаете?

Фатма чуть смутилась.

— Я не должна считать.

— Но считаете.

Фатма опустила глаза.

— Я много лет работаю в этом доме. Я видела разных людей. Хорошая семья — это важно.

— А если хорошей семьи недостаточно?

Фатма подняла взгляд.

В её лице промелькнуло что-то похожее на тревогу.

— Лейла-ханым, иногда девушке кажется, что сердце знает лучше. Но сердце не думает о последствиях.

Лейла медленно убрала руку с книги, под которой лежало слово **Kara**.

— А кто думает?

— Семья.

Ответ был тем же.

Всегда тем же.

Фатма вышла, а Лейла осталась стоять у стола.

Ещё вчера она не заметила бы в этих словах ничего особенного. Возможно, даже согласилась бы. Сегодня они вдруг показались ей не заботой, а дверью, которую закрывают на ключ — мягко, без шума, с добрыми намерениями.

Она подняла книгу.

Чернила почти высохли.

Kara.

Лейла сложила лист и убрала его туда же, где лежал чек.

В университете день прошёл рассеянно.

На лекции по международной экономике преподаватель говорил о рынках, потоках капитала и устойчивости систем. Лейла записывала фразы, но почти не понимала смысла. Рядом Дерья рисовала в тетради маленькие звёзды и время от времени бросала на неё взгляды.

Когда лекция закончилась, Дерья схватила Лейлу за локоть.

— Всё. Рассказывай.

— Я же написала.

— Ты написала три слова и сделала вид, что это информация.

Они вышли во двор университета. Было солнечно, но ветер с воды оставался прохладным. Студенты сидели на ступенях, разговаривали, пили кофе из бумажных стаканов. Лейла всегда чувствовала себя здесь чуть свободнее, чем дома, но всё равно не до конца своей.

Дерья потянула её к скамейке под деревом.

— Начинай с Селима.

— Он хороший.

— Это мы уже выяснили. Насколько хороший?

— Очень.

— Ужас.

— Дерья.

— Что? Если бы он был самодовольным идиотом, тебе было бы легче. А так он хороший, воспитанный, заинтересованный и, судя по всему, уже начал смотреть на тебя глазами человека, который мысленно знакомит тебя со своими будущими детьми.

— Не говори так.

— Ладно. Не буду. Но он тебе не нравится?

Лейла посмотрела в сторону ворот университета.

— Не так.

— То есть нравится как человек, но не как судьба?

— Примерно.

Дерья кивнула.

— А теперь пекарь.

— Его зовут Эмир.

— Уже защищаешь имя. Прекрасно.

— Я не защищаю.

— Конечно. Где ты его встретила?

— В пекарне. Он сын хозяйки.

— Работает там?

— Да.

— И был груб?

— Не груб. Просто... холодный.

— То есть не пал к твоим ногам от фамилии Демир?

Лейла посмотрела на неё.

Дерья подняла руки.

— Всё, молчу. Но я понимаю, почему это тебя задело.

— Меня это не задело.

— Лейла.

— Ладно. Задело.

Дерья стала серьёзнее.

— Ты понимаешь, что это может быть просто потому, что он не любит богатых клиентов?

— Понимаю.

— И что ты можешь романтизировать обычную невежливость, потому что устала от правды?

Лейла молчала.

Вот за это она и любила Дерья. Та могла смеяться, подталкивать, прикрывать, но в нужный момент говорила неприятные вещи прямо.

— Я ничего не романтизирую, — сказала Лейла. — Я его не знаю.

— Но думаешь о нём.

— Потому что он сказал странную фразу.

— Какую?

Лейла повторила:

— «Приходить не обязательно».

Дерья несколько секунд смотрела на неё, потом тихо рассмеялась.

— Поздравляю. Тебя впервые в жизни не пригласили, и ты решила вернуться.

Лейла тоже улыбнулась, хотя ей было неловко.

— Это звучит глупо.

— Это звучит очень по-человечески.

— Я не собираюсь возвращаться.

— Конечно.

— Правда.

— Конечно.

Лейла вздохнула.

— Мне после университета нужно в ателье.

— А пекарня случайно не по дороге?

— Нет.

— Но Стамбул большой. В нём всё может быть по дороге, если очень захотеть.

— Дерья.

Подруга наклонилась ближе.

— Слушай меня внимательно. Один раз сходить в пекарню — ничего не значит. Два раза — уже начало истории. Три раза — проблема. А четыре — ты врешь семье, я тебя прикрываю, и мы обе попадаем в ад.

Лейла не смогла сдержать смех.

— Ты ужасна.

— Я практична.

Потом Дерья взяла её за руку.

— А если серьёзно, будь осторожна. Не потому что он пекарь. А потому что ты сейчас как человек, который всю жизнь сидел в закрытой комнате и вдруг увидел открытую дверь. В такой момент можно перепутать свежий воздух с судьбой.

Лейла сжала её пальцы.

— Я знаю.

Но знала ли?

После занятий водитель ждал у ворот университета.

— В ателье, ханым?

Лейла открыла дверь машины.

— Да.

Она села, пристегнулась и посмотрела в окно.

Машина тронулась.

Первые десять минут она ехала молча. Потом Лейла достала телефон и открыла карту. Каракёй был совсем не по дороге. Дерья была права: совершенно не по дороге.

Она закрыла карту.
Потом снова открыла.
Водитель посмотрел на неё в зеркало.
— Всё в порядке?
— Да.

Лейла убрала телефон.

Она могла поехать в ателье. Примерить платье. Вернуться домой. Поужинать. Сделать вид, что день прошёл как нужно.

Могла.

И именно поэтому вдруг сказала:

— Ахмет-бей, заедем сначала в Каракёй.

Водитель слегка удивился.

— В ту же пекарню?

Лейла почувствовала, как сердце ударило быстрее.

— Да. Я забыла уточнить заказ.

Он не стал задавать вопросов.

— Конечно, ханым.

Машина перестроилась.

Лейла отвернулась к окну, чтобы водитель не видел её лица.

Она сказала себе, что это правда.

Почти правда.

Нужно было уточнить заказ. Наверняка нужно. Может быть, количество. Или время доставки. Или добавить что-то к меню. В доме Демиров всегда любили точность. Мать бы одобрила.

Да.

Это было разумно.

Почти.

Когда машина снова остановилась у тёмной вывески **Kara Fırın**, Лейла несколько секунд не выходила.

Внутри пекарни двигались люди. Кто-то покупал хлеб, кто-то пил чай у маленького столика. За прилавком стояла Айше. Элиф сидела в углу над тетрадью. Эмира видно не было.

Лейла почувствовала разочарование.

И тут же рассердилась на себя за это.

Она вышла из машины.

Колокольчик над дверью звякнул, когда она вошла.

Айше подняла глаза и сразу улыбнулась.

— Лейла-ханым? Что-то случилось с заказом?

От того, что женщина запомнила её имя, Лейле стало тепло.

— Нет, ничего. Я просто хотела уточнить...

Она запнулась.

Что именно?

Количество?

Время?

Кадаиф?

Элиф подняла голову от тетради и просияла.

— Вы пришли!

Лейла улыбнулась.

— Я ненадолго.

— Эмир сказал, что вы не придёте.

Айше резко посмотрела на дочь.

— Элиф.

Из глубины пекарни донёлся знакомый голос:

— Потому что приходиться было не обязательно.

Лейла повернулась.

Эмир стоял в проходе, держа мешок муки на плече.

На этот раз он не выглядел удивлённым.

И это почему-то было хуже.

Он опустил мешок у стены, вытер руки о фартук и посмотрел на неё.

— Что-то с заказом?

Лейла почувствовала, что все её заготовленные объяснения исчезли.

— Я хотела уточнить время доставки.

— Семь вечера.

— Да. Я помню.

— Тогда что уточнить?

Айше тихо сказала:

— Эмир.

Но Лейла вдруг не захотела, чтобы за неё заступались.

— Я хотела убедиться, что вы не опоздаете.

Эмир посмотрел на неё спокойно.

— Мы не опаздываем.

— Хорошо.

— Ещё что-нибудь?

Он был невыносим.

И почему-то от этого ей хотелось не уйти, а остаться.

Элиф вскочила со стула.

— Лейла-ханым, посмотрите, я рисую мечеть!

Она подбежала к ней с тетрадью.

На рисунке была кривая мечеть с огромным куполом, двумя минаретами разной высоты и солнцем, которое занимало половину страницы.

— Очень красиво, — сказала Лейла искренне.

— Правда?

— Правда. Только вот этот минарет, кажется, решил стать выше всех.

Элиф засмеялась.

— Он главный.

Лейла присела рядом с ней.

— А можно?

Она взяла карандаш и несколькими лёгкими линиями поправила один край купола.

— Вот так он будет выглядеть устойчивее.

Элиф смотрела заворожённо.

— Вы умеете рисовать?

— Немного. Я занимаюсь каллиграфией.

— Это когда красиво пишут?

— Да.

— Напишите моё имя!

Лейла улыбнулась.

— Сейчас?

— Да!

Айше хотела возразить, но Лейла уже взяла чистый уголок листа.

— Как пишется? Элиф?

— Elif!

Лейла вывела имя медленно. Не идеально — карандаш был слишком мягкий, бумага тонкая, стол неровный. Но буквы получились живыми, вытянутыми, красивыми.

Элиф ахнула.

— Это моё имя?

— Твоё.

— Оно красивое!

— Оно и было красивым. Я только написала.

Элиф прижала тетрадь к груди.

— Эмир, смотри!

Эмир всё это время стоял у прохода.

Лейла почувствовала его взгляд раньше, чем повернулась.

Он смотрел не холодно.

Скорее настороженно.

Будто она сделала что-то, к чему он не был готов.

Элиф подбежала к брату и показала лист.

— Видишь? Лейла-ханым написала моё имя!

Эмир посмотрел на тетрадь.

— Красиво.

Одно слово.

Но в этот раз без колкости.

Лейла встала.

— Мне пора.

Айше улыбнулась.

— Спасибо, kızım. Вы сделали ей праздник.

— Это мелочь.

— Для детей мелочей не бывает.

Лейла повернулась к выходу.

— До свидания.

— До свидания, — сказала Айше.

— Пока! — крикнула Элиф.

Эмир молчал.

Лейла уже коснулась ручки двери, когда он вдруг сказал:

— Лейла-ханым.

Она обернулась.

Он стоял там же, у прохода, только теперь смотрел прямо на неё.

— Заказ будет вовремя.

— Я поняла.

— Тогда в следующий раз не нужно придумывать причину.

Айше закрыла глаза, будто мысленно попросила терпения у всех святых.

Лейла почувствовала, как к лицу поднимается жар.

Она могла уйти.

Могла промолчать.

Могла сделать вид, что не услышала.

Но почему-то сказала:

— А если причина всё-таки была?

Эмир чуть прищурился.

— Какая?

Лейла посмотрела на Элиф, которая снова рассматривала своё имя в тетради. Потом на Айше. Потом на Эмира.

— Мне хотелось убедиться, что ваше кунфе действительно стоит таких разговоров. На губах Эмира мелькнуло что-то почти похожее на улыбку.

Почти.

— В пятницу узнаете.

— Значит, до пятницы.

Она вышла прежде, чем он успел ответить.

На улице воздух показался прохладным.

Лейла села в машину и только тогда поняла, что у неё дрожат пальцы.

— В ателье, ханым? — спросил водитель.

Она посмотрела на пекарню через стекло.

Внутри Элиф всё ещё держала тетрадь. Айше что-то говорила сыну. Эмир стоял боком, слушал мать, но вдруг повернул голову к окну.

И на мгновение их взгляды встретились.

Не случайно.

Не быстро.

Лейла первая отвела глаза.

— Да, — сказала она водителю. — Теперь в ателье.

Машина тронулась.

Она знала: это был второй раз.

Дерьба сказала бы — начало истории.

А Лейла впервые испугалась не того, что сделала.

А того, что ей захотелось сделать это снова.

Глава 3

Глава 3. Первый ифтар

К пятнице Лейла уже знала, что ждёт не сладости.

Она не произносила этого даже мысленно. Не позволяла себе. Слишком глупо, слишком нелепо, слишком не похоже на неё.

Она ждала доставку.

Просто доставку. Кунфе, пахлаву, кадаиф, шекерпаре — всё, что мать заказала к первому семейному ифтару. В доме Демиров к таким вещам относились серьёзно. Всё должно было приехать вовремя, выглядеть достойно, быть подано красиво.

Значит, Лейла имела право смотреть на часы. Имела право прислушиваться к звукам у ворот. Имела право вздрагивать каждый раз, когда во дворе останавливалась машина.

Это было не из-за Эмира. Конечно, не из-за него. Она почти убедила себя в этом. Почти.

С утра дом жил в особом режиме. В обычные дни он был тихим, сдержанным, будто всё в нём заранее знало своё место. Но в день первого ифтара тишина исчезла. На кухне звенела посуда, в коридорах слышались шаги, Фатма отдавала короткие распоряжения помощницам, а Зехра Демир переходила из комнаты в комнату с таким видом, будто от расположения каждой салфетки зависела честь семьи.

Лейла спустилась после полудня. На ней было домашнее светлое платье, волосы собраны низко, лицо спокойное. Она старалась выглядеть так, как обычно. Но мать заметила её почти сразу.

— Ты сегодня опять бледная.

— Я нормально.

Зехра поставила вазу с кремовыми цветами в центр стола и отступила на шаг.

— Ты всю неделю говоришь, что нормально.

Лейла ничего не ответила.

— Подойди. Посмотри, так лучше или белые цветы вернуть?

Лейла посмотрела.

— Так хорошо.

— Ты даже не посмотрела.

— Посмотрела, мама.

Зехра повернулась к ней внимательнее.

— Сегодня будут близкие. После ифтара заедут Арсланы.

Лейла почувствовала, как внутри всё сразу стало тяжелее.

— Арсланы?

— Да. Я говорила.

— Нет.

— Значит, забыла. Селим тоже будет.

Имя прозвучало спокойно, почти между делом. Но Лейла уже научилась слышать, что за такими фразами скрывается настоящее ожидание.

— Хорошо, — сказала она.

Зехра вздохнула.

— Не говори так, будто тебя наказали.

— Я просто сказала «хорошо».

— Ты сказала это так, что мне стало неловко за Селима. Он хороший молодой человек.

— Я знаю.

— Не просто хороший. Воспитанный, спокойный, из достойной семьи. Он заинтересован в тебе.

— Мама.

— Что «мама»? Это плохо?

Лейла провела пальцами по краю стола.

— Я не хочу, чтобы вы всё время говорили об этом.

— А когда говорить? Когда ты уже всё решила сама и нам останется только принять?

Лейла подняла глаза.

— А вы приняли бы?

Зехра замолчала. Пауза была короткой, но достаточной.

— Ты слишком резко стала разговаривать, — сказала она наконец.

— Я просто задаю вопрос.

— Вопросы тоже можно задавать с уважением.

Лейла кивнула.

— Прости.

Она извинилась быстро, почти автоматически. Так было проще. В доме Демиров извинение часто не означало согласия. Оно означало: разговор пора остановить, пока он не стал опасным.

Зехра смягчилась.

— Вечером надень платье цвета слоновой кости. Оно тебе очень идёт. И постарайся быть приветливее с Селимом.

— Я всегда вежлива.

— Вежливость и холодность — разные вещи.

Лейла хотела ответить, но в этот момент из кухни вышла Фатма с подносом. Она поставила на стол маленькие тарелки, поправила одну из них, потом другую. Всё это время она будто не слушала разговор. Но Лейла знала: Фатма слышала всё. И не только слышала — запоминала.

После обеда Лейла поднялась к себе. На столе лежала тетрадь по каллиграфии. Между страницами — чек из пекарни. Она не доставала его уже два дня, хотя знала, где он лежит. Это само по себе казалось странным: помнить место обычного чека так точно, будто это письмо.

Лейла открыла тетрадь. Пустая страница. Она взяла перо, но ничего не написала. Несколько минут сидела неподвижно, слушая, как за дверью дом готовится к вечеру. Потом закрыла тетрадь.

Нет. Хватит. Она не будет превращать случайного человека в тайну.

В дверь постучали.

— Можно? — спросил Керем.

— Входи.

Он вошёл без особого разрешения и сразу упал в кресло у окна.

— Спрячь меня.

— От кого?

— От Мурата. Он снова объясняет, что стажировка у отца — это шанс всей моей жизни. Я сказал, что моя жизнь пока не просила такой чести.

Лейла невольно улыбнулась.

— Ты сам виноват. Надо было просто сказать «хорошо».

— Я не ты.

Она посмотрела на него. Керем понял, что сказал лишнее.

— Прости.

— Ничего.

Он заметил тетрадь.

— Опять каллиграфия?

— Да.

— Что пишешь?

— Ничего.

— Очень глубокое произведение.

Лейла закрыла тетрадь ладонью.

Керем прищурился.

— Теперь точно что-то пишешь.

— Керем.

— Ладно, молчу.

Он помолчал ровно три секунды.

— Сегодня сладости из той пекарни привезут?

Лейла старалась ответить спокойно.

— Да.

— И кто привезёт?

— Откуда я знаю?

— Просто спросил.

— Очень случайно.

Керем улыбнулся, но потом стал серьезнее.

— Лейла, я не буду лезть. Правда. Просто... будь аккуратна.

— Все мне это говорят.

— Потому что ты живёшь в доме, где даже тишину могут неправильно понять.

Она посмотрела на брата.

— Иногда ты говоришь так, будто тебе не семнадцать.

— Не рассказывай Мурату. Он начнёт меня уважать, и мне придётся уйти из дома.

Лейла рассмеялась.

Снизу донёсся голос Фатмы:

— Керем-бей!

Керем поднялся.

— Меня здесь не было.

— Конечно.

У двери он остановился.

— И ещё.

— Что?

— Фатма всё замечает.

Лейла не ответила. Керем вышел. И стало тихо.

К вечеру дом был готов. Стол в большой столовой накрыли на пятнадцать человек. На тарелках лежали финики, рядом стояли тонкие стаканы с водой. Суп ждал на кухне. Мясо томилось под крышками. Цветы всё-таки остались кремовыми.

Лейла надела платье цвета слоновой кости. Оно было красивым, мягким, спокойным. Таким, каким должна была быть она сама.

Когда она спустилась, гости уже начали приезжать.

Старших Лейла приветствовала так, как её учили с детства: подходила, брала руку, легко целовала и касалась ею своего лба.

— Благослови тебя Аллах, дитя, — говорила пожилая тётушка отца.

— Машаллах, какая выросла, — улыбалась другая родственница.

Лейла улыбалась в ответ. Каждый жест был знакомым, почтительным, правильным. И всё же сегодня ей почему-то казалось, что она выполняет не традицию, а роль. Не потому что не уважала старших. Уважала. Просто раньше эти движения были частью её самой, а теперь вдруг стали заметны — как браслет, который всегда носишь, но однажды чувствуешь, что он слишком тесный.

Она помогала матери встречать гостей, провожала женщин в гостиную, отвечала на вопросы, принимала комплименты. Но взгляд всё равно уходил к часам.

Шесть сорок. Шесть сорок пять. Шесть пятьдесят.

В шесть пятьдесят две Фатма подошла к Зехре.

— Госпожа, из пекарни ещё не привезли.

— Позвоните.

Лейла стояла рядом с окном и услышала.

— Они обещали к семи, — сказала она прежде, чем успела остановить себя.

Зехра посмотрела на неё.

— Надеюсь, они понимают, что такое «к семи».

Мурат усмехнулся.

— Маленькие места часто путают домашний ужин с базаром. У них всё примерно.

— Мурат, — сказала Зехра.

— Я просто говорю.

Лейла почувствовала раздражение.

— Они не опоздали.

— Пока, — ответил Мурат.

Керем, проходя мимо, тихо сказал:

— У нас в доме даже сладости виноваты заранее.

Лейла едва заметно улыбнулась.

В шесть пятьдесят восемь у ворот остановилась небольшая белая машина с тёмной надписью *Kağı Fırın*.

Лейла увидела её первой. Сердце ударило так сильно, что она на секунду испугалась: вдруг это заметно со стороны.

Из машины вышел Бурак — Лейла сразу поняла, что это он, хотя раньше видела только мельком. Подвижный, улыбчивый, с коробкой в руках. Он посмотрел на дом и что-то сказал водителю.

Потом открылась вторая дверь. Эмир. Он вышел с другой стороны, держа две большие коробки. Тёмная рубашка, закатанные рукава, спокойное лицо. Здесь, у ворот Демиров, он выглядел ещё более чужим, чем в пекарне. Или, наоборот, слишком настоящим.

Лейла стояла у окна. Он поднял голову и увидел её. Секунда, не больше. Но Лейле показалось, что между ними вдруг оказался весь город: холм, дом, ворота, охрана, стекло, фамилия, его руки на коробке, её платье цвета слоновой кости.

Он первым отвёл взгляд.

— Лейла, — позвала мать. — Что там?

— Доставка.

— Наконец-то.

Фатма вышла к служебному входу.

Через несколько минут в холле послышались голоса.

— Осторожно, горячее, — говорил Бурак.

— Сюда, — сухо отвечала Фатма.

— Да-да, командир. Пауза. — Простите. Фатма-ханым.

Лейла невольно улыбнулась.

Эмир вошёл следом. Он не смотрел по сторонам так открыто, как Бурак. Но Лейла видела: он всё замечает. Высокий потолок. Мрамор. Картины. Людей в дорогой одежде. Женщин, которые оборачивались не на доставку, а на сам факт чужого присутствия в их безупречном доме.

Зехра спустилась к ним.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — ответил Эмир. — Заказ из *Kağı Fırın*. Три формы кунфе, пахлава ассорти, кадаиф, шекерпаре. Всё по списку.

Голос ровный, без грубости, без заискивания. Лейла почему-то почувствовала гордость за него — и тут же испугалась этого чувства.

— Поставьте на кухню, — сказала Зехра. — Фатма покажет.

— Конечно.

Бурак уже собирался идти, но Мурат, стоявший у окна, сделал шаг ближе.

— Доставка должна была быть через служебный вход.

Эмир повернулся к нему.

— Нас провели через служебный вход.

— Тогда почему вы в холле?

Фатма замерла. Зехра устало посмотрела на сына.

— Мурат.

— Я просто спрашиваю.

Эмир ответил спокойно:

— Нас попросили подождать, пока проверят накладную.

— Можно было подождать у кухни.

Бурак открыл рот, но Эмир даже не посмотрел на него — только чуть изменил положение коробки в руках. Этого оказалось достаточно, чтобы Бурак промолчал.

Лейла вдруг сказала:

— Это мой заказ. Я просила доставить к семи. Спасибо, что привезли вовремя.

В холле стало чуть тише.

Мурат посмотрел на неё.

— Твой заказ?

— Я его оформляла.

— А. Значит, вы знакомы.

Слово прозвучало легко, почти лениво. Но Лейла услышала в нём что-то неприятное.

— Я была в пекарне, — сказала она.

— Понятно.

Эмир посмотрел на неё коротко. В его взгляде не было благодарности. Скорее предупреждение: не надо. И от этого Лейле стало ещё неловче.

Фатма взяла накладную.

— На кухню, пожалуйста.

Бурак пошёл за ней первым.

— Дом у вас красивый, — сказал он, уже тише. — Очень.

Фатма ответила:

— Смотрите под ноги.

— И пол красивый.

— Под ноги, молодой человек.

Эмир прошёл мимо Лейлы — не близко, даже случайно не задел. И всё равно она почувствовала его присутствие так ясно, будто он остановился рядом. Через минуту он исчез за дверью в служебную часть дома, и вместе с ним из холла ушло что-то живое, что не вписывалось в этот вечер.

— Интересный тип, — сказал Мурат.

— Обычный человек, который привёз заказ, — ответила Лейла.

— Ты сегодня очень защищаешь обычных людей.

— А ты сегодня очень стараешься быть неприятным.

Керем тихо кашлянул, чтобы скрыть смех. Мурат повернулся к нему.

— Что?

— Ничего. Финики красивые.

— Керем, — сказала Зехра предупреждающе.

Халиль появился в дверях.

— Что происходит?

— Ничего, — быстро ответила Зехра. — Доставку привезли.

Отец посмотрел на часы.

— Вовремя?

— Да.

— Хорошо.

Для него вопрос был закрыт. Для остальных — почти тоже. Только Фатма, вернувшаяся из кухни, на секунду задержала взгляд на Лейле. Не спросила, не сказала — просто посмотрела и пошла дальше.

Ифтар начался ровно. Сначала тишина перед первым глотком воды. Потом финики, суп, приглушённые голоса, осторожное оживление. Гости говорили о Рамадане, о делах, о знакомых семьях, о том, как быстро выросли дети.

Лейла сидела рядом с матерью. Она отвечала, когда к ней обращались, улыбалась, передавала блюда — всё делала правильно. Только мысли всё время возвращались к служебной двери. Уехал ли он уже? Что подумал о доме? Посмеялся ли Бурак? Сказал ли Эмир что-то после? И главное — стал ли теперь расстояние между ними для него окончательным?

После основного ужина гости перешли в гостиную. Сладости поставили на длинный стол у окна. Кунфе был горячим, с золотистой корочкой и фисташками. Пахлава блестела от сиропа. Кадаиф выглядел так красиво, что даже Зехра удовлетворённо кивнула.

— Достойно, — сказала она. Для Зехры это была почти похвала.

Гости тоже хвалили.

— Где вы нашли эту пекарню?

— В Каракёе, — ответила Зехра. — Маленькое место, но делают хорошо.

Лейла взяла маленький кусочек кунфе. Он был идеальным. И это почему-то стало для неё почти больно.

В этот момент приехали Арсланы.

Селим вошёл вместе с родителями. Как всегда — аккуратный, спокойный, вежливый. Он поздоровался с Халилем, с Зехрой, с Муратом, потом подошёл к старшей тётушке, поцеловал ей руку и коснулся лбом.

— Благослови тебя Аллах, сынок, — сказала она. — Хороший мальчик.

Нермин-ханым, мать Селима, улыбнулась так, будто эта фраза предназначалась не только сыну, но и всем присутствующим. Лейла это заметила. И Зехра заметила, что Лейла заметила.

Селим подошёл к ней.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер.

— Я опоздал к ужину.

— Зато успел к сладкому.

Он улыбнулся.

— Тогда мне повезло.

Он взял кусочек пахлавы, попробовал.

— Очень вкусно. Ты выбирала?

— Да.

— Хорошо выбрала.

— Спасибо.

Пауза. Селим посмотрел на неё внимательнее.

— Ты сегодня какая-то тихая.

Лейла почти рассмеялась.

— Мне часто это говорят.

— Я не хотел обидеть.

— Я знаю.

— Просто спросил.

— Всё в порядке.

Он кивнул, но не поверил.

— Тебе не нравится, когда вокруг много людей?

— Иногда.

— Мне тоже.

Лейла посмотрела на него. Селим немного смутился, будто сказал что-то слишком личное.

— То есть... я нормально общаюсь. Просто устаю. Особенно когда все делают вид, что всё случайно, хотя на самом деле все всё понимают.

Это прозвучало проще, чем его прежние слова. И честнее.

— Ты про нас? — спросила Лейла.

Он неловко улыбнулся.

— В том числе.

Она отвела взгляд.

— Селим...

— Я знаю. Ты не хочешь, чтобы на тебя давили.

— Да.

— Я тоже не хочу давить.

Он говорил без красивых фраз, просто, даже немного неуверенно.

— Просто ты мне понравилась, — сказал он.

Лейла не сразу ответила. Эти слова были гораздо труднее, чем любой умный разговор, потому что они были прямыми.

— Ты почти меня не знаешь.

— Да. Но хочу узнать.

Она опустила глаза.

— Я не уверена, что хочу того же.

Селим помолчал. Ему было неприятно — это стало видно сразу: улыбка исчезла, пальцы чуть крепче сжали блюдце. Но он не обиделся грубо, не стал давить, не стал изображать великодушие.

— Понял, — сказал он.

— Прости.

— Не надо. Лучше так, чем если бы ты согласилась просто из-за родителей.

Лейле стало неловко.

— Ты хороший.

Он слабо улыбнулся.

— Это звучит плохо.

— Я не хотела.

— Знаю.

Они стояли рядом у стола со сладостями, и со стороны всё, наверное, выглядело мирно: двое молодых людей разговаривают после семейного ужина. Только Лейла чувствовала, как в ней растёт усталость — от Селима, который был хорошим, от матери, которая считала этого достаточным, от себя, которая не могла объяснить, почему «хороший» не значит «мой».

После ухода гостей Зехра не стала устраивать сцену сразу. Это было хуже. Она молчала, пока провожала Арсланов, улыбалась Нермин-ханым, благодарила Рыза-бея за визит, говорила Селиму, что они всегда рады видеть его в доме. Лейла стояла рядом и тоже улыбалась.

Селим попрощался с ней мягко.

— Спокойной ночи, Лейла.

— Спокойной ночи.

Когда за Арсланами закрылись ворота, Зехра повернулась к дочери.

— Поднимемся. — Не вопрос.

Лейла молча пошла за ней.

Они вошли в комнату матери. Зехра закрыла дверь. Сначала она сняла браслет, положила его на туалетный столик, потом серьги. Только после этого заговорила.

— Ты была с ним холодна.

Лейла устало выдохнула.

— Я была вежлива.

— Я не сказала, что ты была невежлива. Я сказала — холодна.

— Мама, я не хочу давать ему надежду.

— Надежду? — Зехра повернулась к ней. — Лейла, он не чужой человек с улицы. Это Селим Арслан.

— Я знаю, кто он.

— Тогда почему ты ведёшь себя так, будто он тебе неприятен?

— Он мне не неприятен.

— Тогда в чём дело?

Лейла молчала.

— Он красивый молодой человек. Воспитанный. Учился за границей. Хорошая семья. Уважает тебя. Не торопит. Что тебе ещё нужно?

— Я не знаю.

— Вот именно. Ты не знаешь.

— Но я знаю, что не хочу.

Зехра посмотрела на неё с настоящим непониманием.

— Не хочешь чего?

— Встречаться с ним. Чтобы вы все ждали, когда я соглашусь. Чтобы каждый разговор превращался в проверку.

— Никто тебя не проверяет.

— Проверяет, мама. Все. Ты. Его мать. Даже тётушки за столом.

— Потому что людям не всё равно.

— Мне тоже не всё равно. Поэтому я и говорю сейчас.

Зехра покачала головой.

— Ты говоришь как ребёнок.

Лейла почувствовала, как в груди стало тесно.

— Потому что я говорю «не хочу»?

— Потому что думаешь, что «не хочу» достаточно.

— А разве нет?

— Нет, Лейла. В жизни — нет. Особенно в нашей семье.

Эти слова прозвучали спокойно и именно поэтому ранили сильнее.

— Значит, моё желание ничего не значит?

— Значит, желание должно взрослеть вместе с человеком.

— А если оно не совпадает с вашим?

— Тогда нужно понять, желание это или каприз.

Лейла посмотрела на мать.

— Ты правда так думаешь?

Зехра смягчилась, но не отступила.

— Я думаю, что ты устала. Что ты слишком много стала держать в себе. Что тебе кажется, будто весь мир против тебя, хотя на самом деле мы рядом.

— Рядом — не всегда значит на моей стороне.

Зехра замолчала. В комнате стало тихо. Потом она сказала:

— Селим хороший выбор.

— Для кого?

— Для тебя.

— Ты не знаешь, что для меня.

— Я твоя мать.

— Это не одно и то же.

Зехра побледнела. Лейла сразу пожалела, что сказала это, но забрать слова было невозможно.

— Иди к себе, — сказала Зехра тихо.

— Мама...

— Иди.

Лейла вышла.

В коридоре было темно. У лестницы стоял Керем. Он не делал вид, что случайно оказался там.

— Слышал? — спросила Лейла.

— Не всё.

— Достаточно?

— Да.

Они помолчали.

— Я плохая дочь? — спросила она вдруг.

Керем сразу нахмурился.

— Нет.

— Она так смотрела на меня.

— Мама смотрит так, когда боится.

— Чего?

— Что ты станешь несчастной не по её сценарию.

Лейла слабо улыбнулась.

— Это должно было меня утешить?

— Я пока плохо умею утешать. Но работаю над этим.

Она коснулась его плеча.

— Спасибо.

Керем посмотрел вниз, туда, где уже гасили свет в гостиной.

— Сегодня Фатма странно на тебя смотрела.

Лейла напряглась.

— Когда?

— Когда приезжала доставка.

— Она на всех смотрит.

— Нет. На тебя — по-другому.

Лейла промолчала. Керем не стал продолжать, и за это она была ему благодарна.

У себя в комнате Лейла сняла платье и аккуратно повесила его на спинку кресла — платье цвета слоновой кости, мягкое, правильное, ни в чём не виноватое.

Она села на кровать.

Телефон лежал рядом. От Дерьи было несколько сообщений.

«Ну что?»

«Он приезжал?»

«Селим тоже был?»

«Я чувствую, там серия получилась мощнее, чем мы думали».

Лейла долго смотрела на экран. Потом написала: «Он приезжал».

Дерья ответила почти сразу: «Пекарь?»

«С доставкой».

«И?»

Лейла набрала: «Он увидел мой дом». Стерла. Снова набрала: «Он был у нас». Снова стерла. Наконец написала: «Да. Привозил заказ».

Дерья: «Что ты почувствовала?»

Лейла не знала, что ответить. Не радость, не счастье, не красивое волнение из романов. Скорее стыд. За дом — хотя дом был прекрасен. За себя — хотя она ничего не сделала. За то, что Эмир увидел расстояние между ними так ясно, как она сама до этого видеть не хотела.

Она написала: «Мне стало неловко».

Дерья долго не отвечала. Потом пришло: «Перед кем?»

Лейла смотрела на вопрос. Перед Эмиром. Перед Селимом. Перед матерью. Перед собой.

Она выключила экран.

В другом конце города Эмир Кара закрывал ставню пекарни. Бурак сидел на ящике у входа и доедал кусок пахлавы.

— Дом у них, конечно, как музей. Я боялся дышать. Вдруг воздух платный.

— Бурак.

— Что? Я просто говорю. Красиво. Богато. Очень... не наше.

Эмир щёлкнул замком.

— Никто и не говорил, что наше.

Бурак посмотрел на него.

— Она за тебя вступилась.

— Не за меня. За заказ.

— Конечно.

— Не начинай.

— Я и не начинаю. Я продолжаю.

Эмир повернулся к нему.

— Не надо.

Бурак поднял руки.

— Ладно. Но я видел, как она смотрела.

— Ты много чего видишь.

— Работа такая. У меня глаза есть.

Эмир отвернулся. Он тоже видел: Лейлу у окна, Лейлу в холле, Лейлу рядом с людьми, которым она принадлежала по крови, имени, дому, воспитанию. И всё равно она стояла среди них так, будто ей не хватало воздуха.

Он повторял себе это уже весь вечер: всё это не его — ни дом, ни семья, ни девушка, ни жизнь.

Бурак спрыгнул с ящика.

— Скажи ей прямо, чтобы больше не приходила.

Эмир резко посмотрел на него.

— Она и не придёт.

— Ты сам в это веришь?

Эмир не ответил.

— Тогда скажи, — продолжил Бурак уже тише. — Пока не поздно. Потому что потом ты будешь злиться на неё за то, что она не смогла, и на себя за то, что сам всё понял с самого начала.

Эмир открыл дверь машины.

— Садись.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Бурак сел.

Эмир завёл машину. Улица Каракёя была ещё жива после ифтара: где-то смеялись, где-то пили чай, где-то закрывали лавки. Всё было простым, шумным, настоящим.

Эмир выехал на дорогу и ни разу не посмотрел в сторону холмов — почти ни разу.

А Лейла в это время лежала в своей комнате с выключенным телефоном. Она не доставала чек, не открывала тетрадь, не писала его имя. Просто лежала и смотрела в темноту.

Дом постепенно затихал. Где-то внизу Фатма убирала последние чашки, в коридоре прошли шаги Мурата, за стеной тихо закрылась дверь комнаты матери. Всё возвращалось на свои места. И только Лейла не могла вернуться — это было страшнее любого признания.

Глава 4

Глава 4. Без причины

В субботу утром дом Демиров был особенно тихим.

После больших семейных вечеров в нём всегда наступала странная пустота. Накануне комнаты были полны голосов, запахов, шагов, просьб, чужих пальто в холле и чашек, которые Фатма не успевала уносить. А на следующий день всё исчезало. Оставались только идеально расставленные кресла, свежие цветы на столах и еле заметная усталость в лицах тех, кто жил в этом доме постоянно.

Лейла проснулась позднее обычного, но не почувствовала отдыха. Сон был тяжёлым, с обрывками разговоров, в которых Селим смотрел на неё слишком внимательно, мать произносила слово «каприз», а Эмир стоял у служебной двери с коробками в руках и будто собирался уйти не из дома Демиров, а из её жизни вообще.

Она долго лежала, не открывая глаз.

Ей не хотелось вставать.

Не хотелось завтракать с семьёй.

Не хотелось отвечать на вопросы.

И особенно не хотелось смотреть на мать, потому что после вчерашнего разговора между ними осталось нечто невысказанное. Не ссора в прямом смысле — у Демиров ссоры редко выглядели как ссоры. Никто не хлопал дверью, никто не кричал, никто не говорил слов, за которые потом просили прощения. Но воздух после таких разговоров становился другим: вроде бы всё как прежде, только любое слово могло задеть.

Лейла всё-таки встала, умылась, собрала волосы и спустилась вниз.

В столовой сидели только Зехра и Керем. Отец уже уехал по делам, Мурат, как сказала Фатма, был в кабинете и разговаривал по телефону.

Зехра пила чай и просматривала сообщения. Когда Лейла вошла, мать подняла глаза.

— Доброе утро.

— Доброе утро, мама.

Лейла подошла к ней, поцеловала руку и коснулась ею лба. Так она делала каждое утро, почти не думая. Сегодня этот жест получился чуть медленнее, будто тело помнило традицию, а душа впервые спросила, что именно она означает: любовь, уважение, привычку или просьбу быть принятой обратно после вчерашнего «нет».

Зехра мягко коснулась её щеки.

— Садись. Ты поздно проснулась.

— Я плохо спала.

— Я заметила.

Керем поднял глаза от тарелки.

— В этом доме все всё замечают. Даже когда очень стараются не замечать.

— Керем, — сказала Зехра.

— Я просто про архитектуру.

Лейла невольно улыбнулась, но мать не поддержала шутку. Она отложила телефон и посмотрела на дочь.

— Селим написал утром. Поблагодарил за вечер.

Лейла налила себе чай.

— Это вежливо.

— Он спросил, можно ли написать тебе напрямую.

Лейла остановилась.

Керем тоже перестал жевать.

— Ты дала ему мой номер?

— Он у него уже есть. Мы все в одной среде, Лейла. Но он воспитанный молодой человек, поэтому спросил через меня.

Лейла опустила ложку в блюдо. Звук получился слишком громким.

— Я не знаю, что ему ответить.

— Можно начать с простого: «Спасибо, мне тоже было приятно».

— Но мне не было приятно.

Зехра медленно выдохнула.

— Значит, напиши: «Спасибо за вечер». Это никого ни к чему не обязывает.

— Мама, каждое такое сообщение к чему-то обязывает. Ты это знаешь.

Керем посмотрел в окно, делая вид, что его здесь нет. Зехра, наоборот, выпрямилась.

— Ты слишком драматизируешь обычное общение.

— А вы делаете вид, что оно обычное.

Мать посмотрела на неё не сердито, а устало. От этой усталости Лейле стало больно, но отступать она уже не могла.

— Я не прошу тебя принимать решение сегодня, — сказала Зехра. — Я прошу тебя не закрывать дверь перед человеком, который относится к тебе с уважением.

— Я не закрываю дверь. Я просто не хочу, чтобы меня к ней подвели каждый день.

Зехра взяла чашку, сделала глоток и на несколько секунд замолчала. Лейла знала эту паузу: мать выбирала, продолжить или сохранить мир хотя бы до обеда.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Ответишь, когда будешь готова.

Это прозвучало мягко. Почти уступчиво.

Но Лейла понимала: теперь её готовность будут ждать.

И измерять.

После завтрака она поднялась к себе и открыла телефон. Сообщение от неизвестного номера было коротким:

«Лейла, добрый день. Это Селим. Спасибо за вчерашний вечер. Надеюсь, я не был слишком навязчив».

Она прочитала его дважды.

Потом третий раз.

В сообщении не было ничего плохого. Оно было аккуратным, уважительным, почти деликатным. Именно таким, какое должен был написать хороший парень после семейного ужина. Лейла попыталась представить, как Дерья прочитала бы его вслух — с трагическим вздохом, с насмешкой, с фразой: «Он даже пишет правильно, это катастрофа».

Лейла набрала ответ:

«Добрый день. Спасибо за сообщение».

Посмотрела на фразу и стерла.

Набрала:

«Ты не был навязчив».

Снова стерла.

В итоге просто заблокировала экран и положила телефон на стол.

Она не хотела отвечать.

Но гораздо больше её испугало другое: вместо того чтобы думать о Селиме, она думала о том, сказал ли Эмир что-нибудь после вчерашнего визита. Посмеялся ли над их домом Бурак. Рассказал ли Айше, как Лейла стояла в холле и зачем-то защищала доставку от собственного брата.

Она подошла к окну.

Босфор был спокойным, почти неподвижным. В утреннем свете вода казалась чистой и холодной. С этого расстояния город всегда выглядел цельным, будто в нём не было ни бедных кварталов, ни тесных лавок, ни людей, которые устают к вечеру так, что засыпают на стуле.

Лейла вдруг подумала, что её дом умеет делать с миром странную вещь: он превращает всё, что далеко, в красивый вид.

В понедельник она поехала в университет.

Дерья встретила её у входа в аудиторию с двумя стаканами кофе и лицом человека, который собирается вести допрос.

— Ты не отвечала мне нормально два дня.

— Я отвечала.

— «Да», «нет», «не знаю» — это не ответы, а попытка спрятать труп разговора.

Лейла взяла кофе.

— Никакого трупы нет.

— Тогда рассказывай живого.

Они сели в конце аудитории. Преподаватель ещё не пришёл, студенты разговаривали, кто-то листал конспекты, кто-то смеялся у окна. Лейла посмотрела на дверь, потом на Дерью.

— Селим написал.

— И?

— Я не ответила.

— Почему?

Лейла пожала плечами.

— Потому что если отвечу, начнётся продолжение.

— А если не ответишь, начнётся разговор с мамой.

— Он уже начался.

Дерья покачала головой.

— Бедный Селим. Ему даже не нужно делать ничего плохого, чтобы стать проблемой.

— Вот именно.

— Он тебе совсем не нравится?

Лейла задумалась. Раньше она ответила бы сразу. Теперь почему-то стало сложнее.

— Он нормальный. Хороший. Даже добрый, наверное. Но когда он рядом, я будто вижу не человека, а всю дорогу, которую за меня уже проложили.

— А когда рядом Эмир?

Лейла резко посмотрела на неё.

— Мы не говорили об Эмире.

— Мы всегда говорим об Эмире, просто иногда называем его «пекарня», «доставка» или «я не знаю, почему думаю об этом».

Лейла отвела взгляд.

Дерья стала серьёзнее.

— Ты собираешься туда снова?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему ты так сказала?

— Потому что это единственно разумный ответ.

— Ты сама мне говорила, что Стамбул большой и всё может быть по дороге.

— Я говорила это как плохая подруга для шутки. Как хорошая подруга я говорю: не ходи.

Лейла молчала.

— После того как он увидел твой дом, всё изменится, — продолжила Дерья. — Для него точно. Такие вещи не забывают. Ты для себя можешь придумать, что вы просто люди. Он — нет. Он видел ворота, охрану, твою мать, твоего брата. Он видел, куда ты возвращаешься.

— Я знаю.

— И всё равно думаешь поехать?

Лейла хотела сказать «нет», но слово не получилось.

Дерья посмотрела на неё внимательно.

— Тогда хотя бы не ври себе. Ты не за кунфе поедешь. Не за хлебом. Не за случайностью. Ты поедешь увидеть его.

Преподаватель вошёл в аудиторию, и разговор оборвался.

Но фраза осталась с Лейлой до конца лекции.

После занятий водитель ждал у ворот, как всегда. Чёрная машина, открытая задняя дверь, ровный голос Ахмет-бея:

— Домой, ханым?

Лейла остановилась.

Она уже почти сказала «да».

Это было бы правильно. Домой, потом сообщение Селиму, потом ужин, потом спокойный вечер, в котором никто не узнает, что она чуть не совершила глупость.

Но в этот момент ей вдруг стало невыносимо от самой мысли, что вся её жизнь устроена так, чтобы даже ошибка требовала разрешения.

— Нет, Ахмет-бей, — сказала она. — Я сегодня сама доберусь.

Водитель удивился.

— Госпожа Зехра просила отвезти вас домой.

— Я знаю. Мне нужно зайти в библиотеку. Потом я вернусь сама.

— Я могу подождать.

— Не нужно.

Он не стал спорить. Его работа была слушаться. Но Лейла видела, что он запомнил.

Как запоминали все в этом доме.

Она пошла вниз по улице быстро, почти не разбирая дороги. Дерья догнала её через минуту.

— Ты куда?

— В библиотеку.

— Лейла.

Она остановилась.

Дерья стояла перед ней с таким выражением, будто уже всё поняла.

— Я не буду тебя останавливать за руку, — сказала она. — Но скажу одну вещь. Когда человек впервые делает что-то тайком, ему кажется, что это свобода. Иногда это просто начало вранья.

Лейла почувствовала, как у неё сжалось горло.

— Я не хочу врать.

— Тогда не ври хотя бы себе.

Дерья не обняла её, не стала читать нотаций. Просто посмотрела ещё несколько секунд и ушла обратно к университетским воротам.

Лейла осталась одна.

До Каракёя она добралась не на машине.

Сначала шла пешком, потом села в трамвай, потом вышла раньше нужной остановки и какое-то время просто двигалась вместе с толпой. Ей казалось странным быть среди людей без водителя, без привычного заднего сиденья, без стекла между собой и городом. Стамбул вокруг был громче, ближе, резче: продавец спорил с покупателем у лавки, женщина поправляла платок ребёнку, двое студентов смеялись так громко, что на них обернулся пожилой мужчина.

Никто не знал, кто она.

Никто не ждал от неё правильного жеста.

Никто не называл её гордостью семьи.

И от этого ей стало одновременно легче и страшнее.

Когда Лейла подошла к пекарне, уже смеркалось. Витрина светилась тёплым жёлтым светом, стекло снова было слегка запотевшим, внутри кто-то покупал хлеб. Всё выглядело так обычно, что её собственное волнение показалось почти смешным.

Она не вошла сразу.

Постояла у двери, глядя на вывеску **Kara Firm**.

Зачем она пришла?

Вопрос был простой.

И именно поэтому на него не было безопасного ответа.

Колокольчик звякнул, когда она наконец открыла дверь.

За прилавком был Бурак. Он разговаривал с пожилым мужчиной, заворачивая ему два симита. Увидев Лейлу, он на секунду замолчал, потом улыбнулся так, будто ждал развития хорошей истории и был рад, что она всё-таки продолжается.

— Добрый вечер, Лейла-ханым.

Она чуть смутилась.

— Добрый вечер.

— Кунфе понравился?

— Да. Очень.

— Я передам начальству.

— Начальству?

Бурак кивнул в сторону кухни.

— У нас начальство суровое. Иногда делает вид, что оно просто печёт.

Из глубины пекарни донёсся голос:

— Бурак.

— Вот. Даже на расстоянии командует.

Лейла улыбнулась, но улыбка вышла напряжённой.

Айше появилась из боковой комнаты. При виде Лейлы её лицо потеплело.

— Лейла-ханым? Добрый вечер, kızım. Что-то случилось?

Второй раз этот вопрос прозвучал почти так же, как в прошлый визит.

И Лейла вдруг поняла, что больше не хочет лгать.

— Нет, — сказала она. — Ничего не случилось.

Айше посмотрела на неё внимательно, но без давления.

— Тогда хорошо. Чай будете?

Лейла растерялась.

— Я не хочу вас отвлекать.

— Чай никого не отвлекает. Он как раз возвращает человека на место.

Бурак тихо хмыкнул.

— Айше-тётя лечит людей чаем. Иногда успешно.

— А тебя ничем уже не вылечить, — спокойно ответила Айше.

Лейла впервые за весь день рассмеялась почти свободно.

Из глубины вышел Эмир.

Он увидел её не сразу. Сначала сказал что-то Бураку, потом поднял взгляд — и остановился. Не резко, не театрально. Просто в его лице на мгновение исчезло всё лишнее.

Потом оно снова стало спокойным.

Слишком спокойным.

— Лейла-ханым, — сказал он.

— Эмир.

Она не добавила «бей». Сама не поняла почему.

Бурак заметил. Айше тоже. Эмир — тем более.

— С заказом всё было в порядке? — спросил он.

— Да.

— Тогда что привело вас к нам?

Вопрос прозвучал ровно, но в нём была та самая граница, которую он всё время ставил между ними. Лейла почувствовала, как остальные будто стали тише.

Она могла ответить что угодно.

Что шла мимо.

Что хотела купить хлеб.

Что мать просила узнать про следующий заказ.

Но после разговора с Дерьей любая ложь казалась слишком заметной.

— Я не знаю, — сказала она.

Бурак перестал улыбаться.

Айше медленно опустила взгляд к прилавку.

Эмир смотрел на Лейлу долго. Потом сказал:

— Это плохая причина.

— Наверное.

— Не наверное.

Он снял полотенце с плеча, положил его на стол и вышел из-за прилавка.

— Можно на минуту?

Лейла кивнула.

Они не вышли на улицу, а остановились у боковой двери, где было чуть тише. Оттуда виднелась узкая часть кухни: мешки муки, металлические формы, стол с тестом. Лейла впервые заметила, как много всего держится в этой маленькой пекарне на чьих-то руках, спинах, усталости.

Эмир говорил негромко, но прямо.

— Вам не стоит сюда приходить.

Она ожидала этого. И всё равно стало больно.

— Почему?

— Потому что вы сами не знаете зачем.

— А если узнаю?

— Тогда будет ещё хуже.

Лейла посмотрела на него.

— Вы решили это после того, как увидели мой дом?

Он отвёл взгляд. Ненадолго.

— Ваш дом просто подтвердил то, что было понятно с первого дня.

— Что именно?

— Что вы из мира, где люди могут прийти в пекарню просто потому, что им стало тесно в собственной жизни. А потом уйти обратно.

Лейла почувствовала, как вспыхнуло лицо.

— Вы думаете, я пришла развлечься?

— Я не знаю, зачем вы пришли. Вы сами только что сказали, что не знаете.

— Это не значит, что мне скучно.

— А что это значит?

Она не ответила.

Потому что он был прав: у неё не было ясного ответа. Было только чувство, которое тянуло её сюда, хотя разум и все вокруг говорили остановиться.

Эмир посмотрел на дверь, за которой Айше что-то тихо сказала Бураку. Потом снова на Лейлу.

— Я не могу быть вашим способом почувствовать свободу.

Эта фраза была сказана без злости, но она ударила сильнее, чем его холодность.

— Вы слишком много обо мне решили.

— Может быть.

— Вы даже не спросили.

— Спрошу. Зачем вы пришли?

Лейла сглотнула.

За дверью звякнула посуда. На улице кто-то громко позвал продавца из соседней лавки. Всё вокруг было обычным, будничным, реальным. И только этот вопрос вдруг сделал её беспомощной.

— Потому что здесь я не чувствую, что за меня уже всё решили, — сказала она наконец.

Эмир не сразу ответил.

В его лице что-то изменилось, но он быстро спрятал это.

— Это не про меня.

— Я знаю.

— Не уверен.

Лейла посмотрела на него почти с обидой.

— Вы всё время говорите так, будто я ребёнок.

— А вы всё время приходите так, будто не понимаете, чем это может закончиться.

— А вы понимаете?

— Да.

— И чем?

Эмир усмехнулся, но без радости.

— Вы вернётесь домой. Вас будут ждать семья, ужины, правильный парень, люди, которые переживут ваш маленький бунт и назовут его ошибкой. А я останусь здесь. И мне потом не с кем будет делать вид, что ничего не было.

Лейла молчала.

Он сказал это не жестоко. Он сказал это так, будто давно привык считать последствия раньше желаний.

— Селим не мой парень, — произнесла она тихо.

Эмир посмотрел на неё.

— Но он из вашего мира.

— Это не значит, что я его выбрала.

— Пока нет.

Слово «пока» прозвучало между ними почти как приговор.

Лейла хотела возразить, но не нашла слов. Потому что сама не знала, хватит ли ей силы не выбрать то, что за неё выберут все остальные.

Эмир первым отвёл глаза.

— Вам лучше уйти.

Она кивнула.

Не потому что согласилась.

Потому что остаться после этих слов было бы унижительно.

Когда они вернулись к прилавку, Айше сразу всё поняла, хотя ничего не спросила. Она только взяла маленький бумажный пакет и положила туда два симита.

— Возьмите, kızım.

— Не нужно.

— Нужно. Вы всё равно пришли в пекарню. Из пекарни с пустыми руками не уходят.

Лейла хотела отказаться, но в голосе Айше было столько простой доброты, что сопротивляться стало невозможно.

— Спасибо.

Бурак, обычно быстрый на слова, молчал. Только когда Лейла уже была у двери, он сказал:

— До свидания, Лейла-ханым.

— До свидания.

Эмир ничего не сказал.

И это было хуже, чем если бы он снова произнёс что-нибудь холодное.

На улице уже стемнело.

Лейла пошла не сразу. Несколько секунд стояла у пекарни с бумажным пакетом в руках и пыталась понять, что чувствует. Ей было стыдно, обидно и странно пусто. Она пришла не за признанием, не за красивой сценой, не за обещанием. Но всё равно какая-то часть её надеялась, что он смягчится. Что скажет: «Я рад, что вы пришли». Что хотя бы улыбнётся Элифовой улыбке, которую она уже успела запомнить.

Он не сказал.

И, возможно, именно поэтому его слова казались честнее всего, что она слышала за последние дни.

Домой Лейла вернулась на такси.

У ворот она вышла раньше, чем машина подъехала к парадному входу, и несколько шагов прошла пешком. В холле было тихо. Фатма принимала у помощницы поднос с чашками. Увидев Лейлу, она не спросила, где та была. Только посмотрела на бумажный пакет в её руке.

Взгляд задержался на секунду.

Потом Фатма опустила глаза.

— Госпожа Зехра спрашивала о вас.

— Я сейчас к ней зайду.

— Она в гостиной.

Лейла спрятала пакет за сумкой, хотя это было глупо. Фатма уже увидела.

В гостиной Зехра сидела с телефоном. При виде дочери она сразу поднялась.

— Где ты была?

Вопрос был спокойным. Почти обычным.

Но Лейла услышала под ним тревогу.

— После университета зашла в библиотеку.

Ложь вышла легко.

Слишком легко.

Зехра посмотрела на неё внимательно.

— Почему не с водителем?

— Хотела пройтись.

— Одна?

— Мама, мне двадцать лет.

Зехра устало закрыла глаза на секунду.

— Я не запрещаю тебе ходить одной. Я прошу предупреждать.

— Прости.

Слово снова появилось автоматически.

Зехра посмотрела на её сумку.

— Ты что-то купила?

Лейла почувствовала, как пальцы сильнее сжали пакет.

— Да. Симиты. Увидела по дороге.

— Ты не ужинала?

— Не очень хотела.

Мать подошла ближе, но не стала проверять пакет. Только поправила прядь волос у лица Лейлы.

— Ты изменилась за эту неделю.

Лейла молчала.

— Я не понимаю почему, — сказала Зехра. — И это меня пугает.

В этих словах было меньше контроля, чем обычно. Больше человеческого страха. Лейле стало тяжело.

— Мам, со мной всё в порядке.

Зехра посмотрела ей в глаза.

— Надеюсь.

Лейла поднялась к себе почти сразу.

В комнате она положила бумажный пакет на стол, сняла туфли и села на край кровати. Симиты были уже тёплыми только внутри, бумага чуть пропиталась маслом. Обычная еда, которую можно купить на любой улице.

Она достала телефон.

От Селима всё ещё висело непрочитанное сообщение.

От Дерья пришло новое:

«Ты была там?»

Лейла не ответила.

Она открыла переписку с Селимом и долго смотрела на его короткое вежливое сообщение. Потом набрала:

«Добрый вечер. Спасибо за сообщение. Ты не был навязчив».

Отправила.

Ответ пришёл почти сразу:

«Рад это слышать. Тогда, может быть, кофе на этой неделе?»

Лейла закрыла глаза.

Эмир сказал: «Селим из вашего мира».

Мать сказала: «Он хороший выбор».

Дерья сказала: «Не ври себе».

Все говорили разное, но каждый будто стоял вокруг неё с маленьким зеркалом, в котором она видела не лицо, а выбор, к которому ещё не была готова.

Она не ответила Селиму.

Положила телефон рядом и взяла один симит из пакета. Отломил маленький кусочек. Вкус был простой: кунжут, тесто, соль. Никакой тайны. Никакой судьбы. Просто хлеб.

И всё равно она не смогла его доест.

Где-то внизу Фатма убирала посуду. Мать, наверное, сидела в гостиной и думала, почему дочь стала чужой. Отец ещё не вернулся. Мурат разговаривал по телефону. Керем, возможно, играл в своей комнате и делал вид, что не слышит дом.

Всё было на своих местах.

Кроме Лейлы.

Она не написала имя Эмира. Не достала чек. Не стала искать оправдания тому, что произошло. Просто сидела в своей красивой комнате, рядом с пакетом из пекарни, и думала о том, что впервые за долгое время солгала матери не из страха наказания, а ради того, чтобы сохранить кусочек жизни, который не принадлежал семье.

И именно это оказалось страшнее, чем холодность Эмира.

Потому что теперь опасность была не в нём.

Она была в ней самой.

Глава 5. Подпись Демиров

На следующий день Лейла проснулась с неприятным чувством ясности.

Не вины даже. Вина была бы проще. Вину можно объяснить: солгала матери, поехала в Каракёй, вернулась с пакетом симитов, спрятала его так неумело, что Фатма наверняка всё поняла. С виной можно было бы справиться: извиниться, пообещать больше так не делать, на время стать особенно послушной.

Но ясность была хуже.

Лейла больше не могла сказать себе, что ничего не происходит.

Она лежала в постели и смотрела на утренний свет, который медленно полз по стене. Дом ещё не проснулся окончательно, но где-то внизу уже слышались шаги Фатмы. По этим шагам Лейла могла почти точно определить время: если Фатма шла быстро — до завтрака оставалось больше часа, если медленнее — Зехра уже спустилась и начала задавать вопросы.

Сегодня шаги были быстрыми.

Значит, у Лейлы было немного тишины.

Она повернулась на бок и увидела на столе бумажный пакет из пекарни. Вчера она так и не убрала его. Один симит остался внутри, второй лежал надломленный на салфетке. За ночь он стал сухим, потерял тепло, но запах кунжута ещё держался в комнате.

Лейла посмотрела на него и почувствовала странную неловкость.

Как будто этот кусок хлеба был доказательством.

Не преступления.

А того, что в её жизни появилось место, которое не принадлежало дому Демиров.

Телефон завибрировал.

Селим.

«Доброе утро, Лейла. Не хочу быть навязчивым. Просто хотел пожелать хорошего дня».

Она прочитала сообщение и положила телефон экраном вниз.

Селим не давил. В этом было его преимущество и его беда. Если бы он был самоуверенным, неприятным, резким, Лейла могла бы спрятаться за простое «он мне не нравится». Но Селим писал коротко, уважительно, ждал ответа и не обижался открыто. Он не делал ничего плохого — и поэтому казался частью того правильного мира, против которого трудно спорить, потому что он улыбается тебе, подаёт чай, уважает старших и просит разрешения написать.

Лейла встала, умылась, надела светлую блузу и спустилась вниз.

Зехра была в столовой одна. Она сидела у окна, пила чай и просматривала список на планшете. На столе уже стояли сыр, оливки, мёд, хлеб и маленькие блюда с вареньем. Завтрак выглядел так, будто его приготовили для гостей, хотя в доме были только свои.

— Доброе утро, мама.

Лейла подошла, поцеловала руку матери и коснулась ею лба.

Зехра посмотрела на дочь мягко, но устало.

— Доброе утро. Садись.

Лейла села напротив.

Несколько минут они молчали. Фатма принесла чай, поставила чашку перед Лейлой и, как всегда, исчезла почти бесшумно. Почти — потому что сегодня Лейла слышала всё слишком ясно: шаги, звон ложечки, шелест ткани, дыхание матери перед тем, как она начнёт разговор.

— Селим писал? — спросила Зехра.

Лейла не удивилась.

— Да.

— Ответила?

— Нет.

Мать отложила планшет.

— Лейла.

— Я отвечу позже.

— Ты уже второй день отвечаешь «позже».

— Потому что не знаю, что сказать.

— Скажи спасибо. Иногда не нужно усложнять простые вещи.

Лейла взяла чашку, но не стала пить.

— Для тебя это простая вещь?

— Он проявляет внимание. Ты можешь быть благодарной, даже если пока не уверена.

— Мама, благодарность — это не обещание.

— Разумеется.

Но Зехра сказала это слишком быстро.

Лейла посмотрела в окно. На дорожке у сада садовник поправлял кусты, которые и так были ровными. В этом доме даже природу учили вести себя прилично.

— Я не хочу его обнадёживать, — сказала она.

— Он не мальчик. Он понимает, что отношения не строятся за один вечер.

— Тогда почему все вокруг делают вид, что строятся?

Зехра долго смотрела на дочь. В её взгляде было не раздражение, а тревога, и эта тревога действовала на Лейлу сильнее любого упрёка.

— Потому что иногда родителям видно дальше, чем детям.

— А иногда родители видят только туда, куда сами хотят смотреть.

Зехра побледнела.

Лейла сразу пожалела о резкости, но слова уже остались между ними.

— Прости, — сказала она тише. — Я не хотела.

— Хотела, — спокойно ответила мать. — Просто испугалась, когда услышала себя.

Это было так точно, что Лейла не нашлась с ответом.

В столовую вошёл Мурат. Он говорил по телефону, даже не поздоровался сразу, только кивнул матери и сестре. На нём был тёмный костюм, волосы ещё влажные после душа, лицо собранное, деловое.

— Да, я видел документы, — говорил он. — Нет, отец подпишет после обеда. По Каракёю нужно ускоряться, иначе они опять начнут торговаться.

Лейла не обратила бы внимания, если бы не слово.

Каракёй.

Мурат прошёл к кофейному столику, взял чашку и продолжил:

— Старые арендаторы всегда сопротивляются. Это нормально. Главное — уведомить официально и не дать им времени собрать шум.

Зехра подняла на него глаза.

— Мурат, мы завтракаем.

Он прикрыл телефон ладонью.

— Я на минуту.

Потом снова вернулся к разговору:

— Да. Улица та же. Посмотри кадастровые номера в папке. Отец сказал, чтобы юристы подготовили уведомления до конца недели.

Лейла поставила чашку на блюдо.

Каракёй.

Старые арендаторы.

Уведомления.

Она почувствовала, как внутри возникло неприятное, пока ещё неоформленное напряжение. В Стамбуле было много улиц, много домов, много старых лавок. Каракёй был большим. Одно слово ничего не значило.

Но иногда тревога приходит раньше смысла.

Мурат закончил разговор и сел за стол.

— Доброе утро.

— Ты уже полчаса как вошёл в дом, — сказал Керем, появляясь в дверях. — Но доброе утро, конечно.

— Не начинай, — бросил Мурат.

Керем сел рядом с Лейлой и потянулся к хлебу.

— Я только начал жить. Это не одно и то же.

Зехра устало закрыла глаза.

— Сегодня без споров.

— Тогда пусть Мурат молчит первым, — сказал Керем.

Мурат даже не посмотрел на него. Он листал что-то в телефоне, время от времени делая пометки в блокноте.

Лейла пыталась есть, но вкус исчез. Каракёй всё ещё звучал у неё в голове. Она сказала себе, что это совпадение. Просто проект. Просто район. Просто город, где у каждого мужчины в костюме есть десятки разговоров о зданиях, арендаторах и документах.

Но после завтрака, проходя мимо кабинета отца, она услышала голос Халиля.

Дверь была приоткрыта.

— Нет, Мурат. Давить не нужно. Всё должно быть чисто.

Лейла остановилась.

Она не хотела подслушивать. Точнее, хотела, но знала, что не должна. В доме Демиров границы уважали внешне. Никто не заглядывал в чужие письма, не слушал у дверей, не задавал прямых вопросов, если можно было получить ответ косвенно.

Но ноги не двигались.

— Отец, если мы будем ждать, они начнут искать защиту, — ответил Мурат. — Там половина помещений держится на старых договорах. Люди привыкли платить копейки и думать, что город им что-то должен.

— Город меняется.

— Вот именно. И мы можем быть первыми, кто нормально соберёт этот угол. Бутик-отель, ресторанная линия, шоурум. Место сильное.

Лейла услышала шелест бумаг.

— Здесь пекарня, — сказал Халиль. — Маленькая, семейная. Kara Fırın.

У Лейлы стало холодно в груди.

Так тихо, что она сначала даже не поняла, что произошло.

Потом услышала ещё раз — уже в себе.

Kara Fırın.

Мурат ответил почти равнодушно:

— Одна из лавок. Их там несколько. Отец, я понимаю, что ты не любишь грубые методы, но если проект запускать, арендаторам придётся уйти. Или принять новые условия. Это бизнес.

— Бизнес не отменяет осторожности.

— Осторожность не должна превращаться в слабость.

Халиль помолчал.

— Подготовьте уведомления. Но сначала я хочу посмотреть список арендаторов и сроки договоров.

— Хорошо.

— И без лишнего шума.

— Разумеется.

Лейла стояла у двери, не чувствуя пальцев.

В этот момент из бокового коридора появилась Фатма с чистыми полотенцами. Она увидела Лейлу, остановилась, потом перевела взгляд на приоткрытую дверь кабинета.

Ничего не сказала.

Просто прошла мимо.

Но теперь уже двое знали, что Лейла слышала разговор, который не предназначался для неё.

Она поднялась к себе почти бегом.

Дверь закрыла тихо, чтобы не услышали. Подошла к столу, вытащила из книги чек пекарни, развернула его и стала искать адрес.

Строки прыгали перед глазами.

Название.

Сумма.

Дата.

Телефон.

Адрес.

Она прочитала его один раз.

Потом ещё.

И ещё.

Улица совпадала.

Номер здания — тоже.

Лейла села, потому что стоять стало трудно.

Она смотрела на чек, и всё вокруг вдруг стало слишком понятным. Не громким, не драматичным — именно понятным. Её отец не был злодеем. Мурат не собирался разрушать чью-то жизнь из ненависти. Для них это был проект, цифры, реконструкция, развитие района, старые арендаторы, договоры, уведомления.

Для Эмира это была пекарня.

Для Айше — работа, которая держала семью.

Для Элиф — место, где она делала уроки за маленьким столиком и просила написать её имя красиво.

Лейла вдруг ясно поняла: между её домом и пекарней не было настоящего расстояния. Достаточно было одной папки в кабинете отца, одного решения, одной подписи — и мир Эмира мог исчезнуть так же тихо, как исчезают старые здания за строительными заборами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.